

ВЛАДИМИР ТОПИЛИН

СИБИРИАДА

ГЛЁЗЫ
ЧЁРНОЙ
РЕЧКИ

Сибириада. Собрание сочинений

Владимир Топилин

Слёзы чёрной речки

«ВЕЧЕ»

2018

Топилин В. С.

Слёзы чёрной речки / В. С. Топилин — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Сибириада. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-4484-7572-6

Повесть «Слёзы чёрной речки» рассказывает о далеких предвоенных временах прошлого столетия. 1940 год. В таежном поселке Чибижек все работы связаны с золотом. Но принесет ли это таежное золото счастье Андрею и его подруге Марии?.. Повесть «Немтырь» – о суровом времени конца тридцатых годов XX века. Чтобы не разделить участь отца и братьев, подвергнутых репрессиям, семнадцатилетнему юноше из латышских переселенцев Янису приходится скрываться в тайге долгих восемнадцать лет... Книга В. С. Топилина «Слёзы чёрной речки» символически стала 200-м томом популярной серии «Сибириада», выпускаемой издательством «Вече» с 2006 года

ISBN 978-5-4484-7572-6

© Топилин В. С., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Слёзы черной реки	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	48
Глава 10	56
Глава 11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Владимир Топилин

Слёзы чёрной реки

Немтырь

© Топилин В. С., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Слёзы черной реки

Глава 1

Июньское солнце покатилося к зубчатой линии горизонта, высокоствольные деревья удлиннили свои тени в восточном направлении. Порывистый ветерок будоражил тишину хвойного леса непонятными человеческому уху разговорами разлапистых веток, играл молодыми листочками ольхи, волновал таежным прибоем неокрепшую и сочную поросль травы на обширных черемшанных полянах.

Радуюсь хорошей погоде, ветерку, разогнавшему надоедливых комаров, Маша оторвала взгляд от примелькавшейся черемши и посмотрела на небо. По солнцу определила примерное время – пора заканчивать рабочий день, возвращаться к зимовью. Медленно поднявшись с колен, девушка глубоко вздохнула и с облегчением выпрямила спину. Однообразная работа – сбор черемши – уже не радовала, как прежде. В глазах рябило от зеленовато-красных стеблей, тело разламывалось на части.

Девушки, расположившиеся в нескольких десятках метров друг от друга на поляне, тоже устали. Давно не раздаются звонкие песни, будоражившие тайгу в первые дни работы. Не слышно веселого разговора. Все медленнее движутся проворные руки, все дольше перерывы в работе, все чаще девушки поглядывают на лениво движущееся солнце.

Едва обхватив руками аккуратно сложенную черемшу, Маша хотела унести собранный урожай к общей куче, как вдруг неожиданный возглас Веры заставил ее остановиться:

– Ой, мамочки! Девчата! Посмотрите! Что это?

Путаясь в траве, подпрыгивая и кувыркаясь, от кромки пихтача на поляну под ноги людей выкатился мохнатый шарик. В нем без труда можно было узнать случайного гостя из тайги. Медвежонок!

– Какой хорошенький! – хлопнула ладошками Наташка, оказавшаяся к зверенышу ближе всех.

Услышав человеческую речь, медвежонок резко остановился. Прилег в траву, спрятавшись от подхлотивших к нему невиданных существ. Через несколько секунд, как будто опомнившись, резко вскочил и бросился назад в спасительную чащу. Но путь к отступлению уже был закрыт Верой. Бросился в другую сторону – навстречу бежит Татьяна. Поскакал в третью – там ноги Оли.

Побежал вниз – опять стоит человек! Медвежонку ничего не оставалось, как инстинктивно, подчиняясь заложенным еще в чреве матери рефлексам, спрятаться в траву. Прижавшись всем своим подрагивающим от напряжения существом к земле, звереныш вытянул когтистые лапки вдоль туловища, прижал ушки, уткнулся носиком в грудь и, не дыша, затих. Человек, прежде не видевший резвости хитреца, мог принять его за мертвого. Но маленькие бусинки коричневых глазенок с коварным блеском смотрели на приближающихся людей.

А живое кольцо постепенно сжималось. Девчата, осторожно приближаясь к детенышу, смотрели на прелестное создание с восторгом и восхищением:

– Какие маленькие коготочки! А носик-то словно пуговка! Укусит или нет, если его потрогать?

Потрогать и погладить медвежонка хотелось всем, однако никто не отважился. Страшно! А вдруг укусит? Все стояли плотным кольцом в метре от дитяти тайги, не решаясь подойти ближе. Самой смелой оказалась маленькая Наташка. Она сорвала длинную черемшину, взялась за основание стебля и, медленно подавшись вперед, большими листьями коснулась меховой шубки. Звереныш даже не шелохнулся, продолжая лежать в распластанном положении.

Осмелев, Наташка приблизилась. Протянула руку и коснулась шерсти, но, испугавшись собственного прикосновения, отпрянула. Медвежонок продолжал лежать. Тогда девочка нежно погладила его по загривку. Молчит медвежонок. Ни движений, ни звука!

Вздых облегчения прошел среди девушек, все принялись гладить бурую шерстку обитателя тайги.

– А почему он один? – спросила Маша.

– А с кем ему быть? – настороженно спросила Вера.

– С мамашей, с медведицей...

Девушек охватил ужас. Они стали оглядываться на густую стену деревьев. Все ожидали, что вот-вот раздастся треск ломаемых сучьев, тайгу огласит страшный звериный рык, а на них из курослепа вылетит разъяренная зверюга.

– Чего трусили? – заговорила Татьяна. – Да нет у него никакой мамашы... Я точно знаю! Если бы она была, то от себя не отпустила медвежонка никогда!

– А где же она тогда? – робко спросила Оля.

– Видели, у избышки череп медвежий валяется с костями?! Это мамаша и есть! Перед нашим приходом в избе староверы жили. Они ее и убили. А медвежонок убежал.

– Андрей говорил, что здесь медведица с медвежатами живет... – тихо вставила свое слово Маша.

– Ха-ха! Говорил! – нараспев продолжала уверять подруг Татьяна. – Он ее в глаза видел? Нет! Ну и что тогда говорить? Мишку надо взять домой, а то пропадет один.

– А зачем он нам нужен? Не дай бог, ночью медведица придет... – унылым голосом протянула Валя, за которой укрепились слава первой трусихи.

– Ты мне еще поговори!.. Зайца и то боишься, а все туда же... – уже с некоторой ноткой серьезности оборвала ее Татьяна.

Девчата приумолкли, не решаясь противостоять девушке. А она, быстро переменив интонацию, как будто оправдываясь, запела ласково и тягуче:

– Видите, какой он маленький! Один в тайге пропадет, не выживет. Возьму его себе, если никто брать не хочет. Буду его кормить, а вырастет – будет дом охранять.

Она взяла медвежонка на руки, тот не сопротивлялся, и в окружении подруг отправилась к охотничьему зимовью, что находилось в нескольких сотнях метров от черемшанных полей.

– Маша! А почему мы его не взяли? Почему Таньке все достается? Почему она всегда все берет? – захныкала Наташка, теребя рукав старшей сестры.

Маша промолчала, приобняла сестру и повела за собой.

Молчат и девчата. Никто не перечит Татьяне, хотя в этом молчании чувствуется напряженность: правильно ли они сделали, что взяли с собой медвежонка? Был бы Андрей, он бы сразу сказал, что делать.

Но Андрей далёко. Еще утром он и Алексей увели небольшой караван из четырех лошадей, нагруженных мешками с черемшой, в Чибижек. Назад парни обещали вернуться только завтра, да и то не раньше обеда.

Сегодня девчата будут ночевать одни, без мужиков. Но никто и не боится. Так даже интереснее, таинственнее. А если кто-то и боится – ничего страшного. В староверческом зимовье есть большой деревянный засов. Можно закрыться от всего мира и поговорить обо всем на свете!

А медвежонок не сопротивлялся. Более того, почувствовав тепло и ласку, уткнулся носом в грудь Татьяны и затих, как будто его носили на руках всю его маленькую жизнь.

Чем ближе девчата подходили к избышке, тем вкуснее и заманчивее пахло приготовленной на костре пищи. В этот день дежурила Аня, а она была искусницей. Самый обыкновенный борщ или перловая каша казались отменными. А если поварское колдовство происходило в тайге, на свежем воздухе!..

– Почему так рано возвращаетесь? Суп еще не готов. Когда сварю – звякну крышкой... – недовольным голосом издали заворчала повариха, но ее перебили и не дали договорить.

– А мы медвежонка поймали! Такой маленький! Такой хорошенький! Будто игрушка! И даже не кусается! – звонко и весело прошептала Наташка, опережая девушек.

– Да вы что сделали? Зачем вы его взяли? А если сейчас медведица прибежит? Она нам здесь ад устроит! – побелела лицом Аня, но тут же получила многоголосое оправдание, что череп и кости мамыши валяются в кустах, а детеныша бросать нельзя – погибнет.

Действительно, рядом с избой лежали свежие кости таежного животного. Видимо, невелики были познания девчат в области биологии, если они не могли отличить грозную клыкастую пасть хищника от черепа простого сохатого, недавно добытого охотниками по насту...

Медвежонок в избушке обнюхал вещи девчат, которые ему явно не понравились, разорвал старое ватное одеяло, перевернул ведро с водой, намочившись и как бы обидевшись на самого себя, забился под нары, свернулся комочком и затих. От пищи дитя тайги наотрез отказалось. Кусок ржаного хлеба был отбит лапой, а свежесрезанную и почищенную пучку звереныш просто обнюхал. Презрительно фыркнув, он отвернулся к стене.

– Проголодается – будет есть. Никуда не денется. А пока пусть сидит до завтра. Приедет Андрей – увезет его в поселок, – дала последнюю команду Татьяна, после чего все вышли из избушки к большому столу, сколоченному Андреем, где Аня уже гремела чашками.

Дружно затукали деревянные ложки. Ели быстро, молча и недолго, отмахиваясь от комаров. Не осилив и половины семейного котла, разобрали кружки с чернично-смородиновым чаем, к которому прилагался небольшой кусочек сахара.

Непонятное состояние тяжелым гнетом давило девичьи души. Подруги стыдились смотреть друг другу в глаза, поэтому торопливо оставляли стол и исчезали в черном проеме открытой двери.

Может быть, этому способствовала дневная усталость, может, присутствие в избушке медвежонка, а может, нарастающее отчуждение к гордыне Татьяны...

Но Татьяне все равно, как к ней относятся девчата. Она прекрасно знала себе цену. Знала, что всегда и везде была и должна быть первой. Ее слово – закон! Знала, что так было вчера, так есть сегодня и так будет завтра. К молчаливому ужину отнеслась совершенно спокойно, не придавая косым взглядам подруг никакого значения.

– Надо мишку покормить. От такого супа он, конечно, не откажется, – наливая полную чашу, рассуждала сама с собой Татьяна. Разломив кусочки хлеба, перемешала еду и, торопясь, пошла вслед за девчатами.

Когда и она скрылась за дверью избы, Аня с тоской и опаской посмотрела на вечернее небо, на позолоченные заходящим солнцем горы, на темнеющий за поляной пихтач и с мольбой и жалостью в голосе попросила:

– Маша! Пойдем вместе к ручью сходим. Мне еще надо посуду помыть, а воды нет!

Маша как будто ждала этой просьбы. Не говоря ни слова, оставила кружку, встала и пошла вслед за подругой по извилистой тропинке к шумевшему в сотне метров от избы ручью.

– Ты подожди немного. Я сейчас песком ведро почищу, – сказала Аня.

Маша решила сорвать несколько жарков, в изобилии росших на полянке. Она с необъяснимым чувством вдыхала аромат таежных цветов и, улыбнувшись уголками губ, с хитринкой посмотрела по сторонам. В то мгновение она желала полного уединения. Она не хотела, чтобы сейчас за ней кто-то подсматривал, так как причина уединения была понятна и известна только ей одной. Это была ее тайна, к которой Маша не хотела подпускать никого, даже самых близких подруг.

Если не считать кричащего, свистящего, порхающего населения тайги, суетившегося в целях исполнения своих природных обязанностей, вокруг никого не было. Постепенно набирая высоту и тут же падая на тайгу, перебивали друг друга брачными песнями бекасы. Юркие мухо-

ловки, опережая желтогрудых синичек, ловили многочисленных комаров. Беспокойный поползень тюкал клювиком по полусохшей пихте. Где-то на горе, предвещая ночную охоту, ухнул филин. На краю поляны с небольшой цветущей рябинки склонил головку любопытный, наполовину облезлый дрозд. Но и он не устаивал девушку своим вниманием, а, смешно повернув голову набок, смотрел куда-то в гору.

Маша посмотрела по направлению взгляда таежной птицы. Между кустов в молодой траве кралась большая коричневая кошка.

Сорвав крупный и яркий жарок, девушка поднесла его к губам и, отрывая лепестки, тихо зашептала:

– Любит – не любит. Любит – не любит. Лю... Кошка? Какая может быть в тайге кошка?!

Будто пламенем охватило голову. Жарок выпал из рук. Маша посмотрела туда, где видела крадущееся животное, но там уже никого не было.

Маша не верила в свою ошибку, как и не верила в обман зрения. Она видела ее! Глаза не могли обмануть!

Прошла минута, за ней вторая. Маша продолжала всматриваться, пытаясь увидеть то, что могло представлять опасность не только для нее, но и для всех девчат, которые даже не подозревают об этом. В глазах от напряжения зарябило.

Вдруг она увидела то, что ожидала увидеть. Из-за густого куста цветущей жимолости появился длинный и лохматый силуэт. Его медленные, настороженные движения парализовали Машу. Бесшумная перестановка лап, почти касающаяся земли грудь, полуоблезлый живот, изогнутое в крадущейся позе тело, нос по ветру – все это очень роднило животное с большой кошкой.

Но у животного не было хвоста, и нос, вытянутый треугольником, больше напоминал свиное рыло. Маша сразу же поняла, хотя до этого никогда не видела, что перед ней медведь! А если точнее – медведица, та самая, у которой они взяли медвежонка. Об этом она догадалась каким-то внутренним чутьем. Может, это и был внутренний голос, что всегда подсказывает, предупреждает, наталкивает человека на верное решение. Впрочем, тогда Маше было не до этого...

До медведицы было не менее полусотни метров, но девушке казалось, что хозяйка тайги совсем близко, что стоит только протянуть руку и можно дотронуться до этой страшной, опасной, облезлой шкуры. Зверюга кралась к избушке. Ее намерения были понятны...

Медведица не видела Машу, все внимание зверя было приковано к стоянке. Маша попятилась и, не глядя под ноги, забралась в разросшийся можжевельниковый куст. Растение предательски затрещало под ногами. Медведица посмотрела на шум и просверлила испуганную девушку взглядом. Маша хотела закричать, но крик утонул в легких.

Неожиданно зверюга метнулась назад, в кусты, растворившись в тайге. Растворилась, исчезла... Скрылась так же бесшумно, как и появилась.

То, что Маша увидела медведя, Аня поняла по белому, без единой кровиночки лицу подруги, по отчаянным немым жестам и бешено вращающимся глазам. Получить какой-либо вразумительный ответ у сверкающих пяток подруги не представлялось возможным, поэтому Аня логично решила последовать примеру, не забыв при этом прихватить наполненное ключевой водой десятилитровое ведро.

Маша вбежала в избушку с криком:

– Медведица!

В первые секунды ей никто не поверил. Девчата подумали, что это шутка. Но когда вслед за Машей в дверной проем влетела Аня с ведром, развеялись все сомнения.

Будто стайка деревенских ласточек, собравшихся на зимовку, девчата сбились в дальнем углу избушки. Тишина повисла в стенах староверческого зимовья. Тусклый вечерний свет гне-

тушей сыростью едва пробивался в маленькое стеклянное оконце, умело вырубленное между кедровых накатов.

– Может быть, вы ошиблись? – насмелившись, прошептала Оля.

– А кто видел медведицу? – поддержала Вера.

– Маша видела!

– А ты сама ее видела?

– Нет.

– А может, это был бурундук? – попыталась хихикнуть Татьяна, но шутка не получилась, ее смеха не поддержал никто.

– Вы что, мне не верите? Говорю вам честно: медведица, настоящая, кралась к избушке, – подтвердила Маша. – Большая, черная...

– У страха глаза велики! – вновь съязвила Татьяна, насмешливо фыркнув.

После ее слов в избушке возникла неопределенная пауза, только комары звенели в темноте.

– Был бы Андрей, он бы сразу определил, что и как, и... если что – защитил нас всех, – раздался мечтательный голос забившейся в середину Наташки.

– А все ты, Танька! – вдруг раздался упрек Веры. – Зачем взяла медвежонка? Это, наверное, мамаша пришла за ним!

– А откуда мне знать, что он с мамашей? Я хотела как лучше... – попыталась защититься виновница.

– Как это не знала? А кто говорил, что у избы кости лежат?! Ты говорила, что у медвежонка никого нет... И вечно у тебя все поперек: то Андрея едва не убила, то медвежонка в избу несешь...

– Не собиралась я в Андрюху стрелять! – взвизгнула Татьяна. – Я хотела только попугать. Если бы не Леха – дурак, то ничего бы и не было. Сколько можно объяснять?

Все еще пытаясь удержать верх над подругами, Татьяна повышала голос. Девчата молчали, и в молчании чувствовалась общая угроза. В этот момент что-то происходило. Татьяна понимала, что ее прочный авторитет и высокомерное влияние колеблются, как на болотистом зыбуне. Она наигранно вздохнула и совершенно безразлично, как будто ничего не произошло, завершила:

– А медвежонка вот возьму и выброшу на улицу к его мамаше, если вы все так хотите!

– Вот возьми и выбрось! – съязвила осмелевшая от поддержки подруг Вера.

Татьяна полезла под нары и в темноте на земляном полу завозилась из стороны в сторону, поддевая снизу горбом колотые доски широченных нар:

– Миша, миша, мишенька! Иди сюда, милый мой! Где же ты?.. Дайте спички... Не видно...

Ей зажгли несколько лучин, приготовленных Андреем из сухого кедрового полена. Пламя осветило фосфорические глазки забившегося в дальний угол медвежонка. Татьяна взорвалась:

– Ух, куда забрался! Я же не могу туда пролезть! Наташка! Ты маленькая – достань чертенка!

Но девочка тоже взбунтовалась:

– Твой медвежонок – ты и лезь!

Татьяна зло скрипнула зубами, но делать нечего, стала продвигаться под нарами, собирая на одежду накопившуюся пыль. Добравшись до медвежонка, девушка протянула руку и хотела схватить звереныша за загривок. Неожиданный резкий выпад, четкое лязганье зубов и грозное ворчание остановили и испугали. Татьяна едва успела убрать руку от острых клыков. Глаза медвежонка налились кровью, маленькая пасть оскалилась, а шерсть на загривке вздыбилась. Было ясно, что звереныш приготовился к защите. Зверь есть зверь, и его поведение непред-

сказуемо, как горный ветер, меняющийся в любую минуту. И тем более непредсказуемо, если это медведь. Пусть он будет совсем несмышленным, но все же это медведь!

– Кусается, собака! Ну его к лешему! Надо – сам вылезет.

А за стенами избушки никаких бликов от костра. Огонь давно погас, и от всемогущего благодетеля остались лишь едва курящиеся головешки, дым от которых изредка наносил на избу стелющийся ветер-низовик.

– А посуда не мыта и не прибрана... – вспомнила Аня.

– И сахар с хлебом на столе лежит... Дождик пойдет – намочит... – с грустью добавила Маша.

Прошло совсем немного времени, какие-то минуты, а в избушке уже властвовало царство сна и покоя. В кромешной темноте слышались легкие вздохи и негромкое посапывание девяти усталых душ.

Глава 2

Как не хотелось Маше в этом году вновь оказаться в бригаде девчат – сборщиц черемши! Она ни за что не хотела идти в тайгу на далекий Пыхтун. Ей хватило прошлых лет, когда она три сезона жаркого июня провела на заготовке «второго» хлеба для старательской артели.

Казалось бы, чего проще – собирай в охапку повсеместно растущую друг на друге зеленку и подноси к общей куче. Работа несложная, нетрудная, не требует ответственности. Но однообразный процесс, длящийся от зари до зари в течение недели, ежеминутные поклоны к земле до боли в пояснице кажутся такими нудными и утомительными, что могут отвлечь от подобного мероприятия кого угодно. Уже на третий день злосчастная черемша изматывает, вытянет и заберет девичью силушку так, что к закату едва добираться до нар охотничьего зимовья и проваливаешься в глубокий, беспробудный сон.

Но на очередном собрании старателей Крестовоздвиженского прииска Маша узнала, что старшим над девчатами назначен Андрей, поэтому сразу засобиравшись в «турпоход».

Маше нравился Андрей. Нравилась его не по возрасту строгие черты лица, ясный, открытый взгляд голубых глаз, приветливая улыбка, спокойная, размеренная речь, его маленькие, аккуратно подстриженные стрелочки усов. Но особенно ей нравились его волосы: золотистые, выющиеся. И все же от него веяло какой-то необъяснимой нежностью и теплотой. Широкие плечи, жилистые, натруженные тяжелой работой мозолистые руки, смуглое от солнца и таежного воздуха лицо придавали ему мужественный вид. При случайных встречах с девушкой он «грозно» стрелял глазами, приостанавливался и как-то особенно приветствовал:

– Здравствуй, Машенька.

У девушки захватывало дух, останавливалось сердце. Она краснела до кончиков ушей и, выдавив что-нибудь невразумительное в ответ, бежала прочь. А Андрей смотрел ей вслед, чему-то улыбался и шел дальше по своим делам.

Андрей был потомственным охотником из небезызвестного и уважаемого в Чибижеке рода К-вых. Он, как отец и два его дядьки, большую часть жизни проводил в тайге. Летом со сверстниками развозил на лошадях по приискам продукты, в поисках золотых жил наравне с мужиками бил шурфы, копал канавы, крутил вороток и отмывал в ледяных водах таежных речушек золотоносный песок. В межсезонье, в короткое от работы время, промышлял зверя и провел в юркой долбленке не одну ночь с режевкой, вылавливая из красавицы Шиндры килограммовых черноспинных хариусов. А ранней осенью, едва с берез облетали последние желтые листочки, вот уже второй год Андрей уходил на зимовку к далекому, дикому Тугурсуку, где с собаками, с обметом добывал редких соболей.

Во время отсутствия Андрея Маша не находила себе места. Она ждала, хотя сама не знала чего. Сколько бессонных ночей провела девушка в думах об Андрее, в мечтах и надеждах о будущем! Об этом ведают только сама Маша, орошенная слезами подушка да неизменная ночная спутница – бледнолицая луна. Она всегда мечтала, что все будет по-другому, когда вернется Андрей. Маша не раз представляла себе эту встречу, настраивалась на откровенный разговор, выучила наизусть все слова, что скажет ему. Девушка решила, что скажет о своей любви первой, а там будь что будет.

Проходило время. Андрей возвращался. Но при первой случайной встрече на улице, едва завидев его, встретившись с ним взглядом, Маша терялась и забывала обо всем, на что долгие дни набиралась решимости.

Догадывался ли Андрей, что она любит его? Об этом Маша не знала. Ну живет рядом какая-то девчушка, ну краснеет при встрече, ну избегает его. Что здесь такого? Зачем ему какая-то низкорослая, незavidная Маша, если рядом красавица, которая оказывает ему явные знаки внимания?

С красотой Тани не сравнится никто во всем Чибижеке. Высока, стройна. Черные, словно воронье крыло, волосы, заплетенные в толстую косу, перекинута через плечо и свисают до бедер. Густые брови подобны скачущей по камням норке. Пушистые ресницы – что ость из беличьего хвоста. Зубы – что жемчуг. Ровненькие, белосахарные. Большие карие глаза тянут магнитом, завораживают и заколдовывают. Вполне естественно, что такая красота не остается без внимания. За Таней ухлестывают многие парни из деревни, да и старатели не проходят мимо, очарованные красотой девушки.

Маша много раз смотрела в зеркало на свое лицо, в котором, как она считала, не было ничего интересного. Простые голубые глаза. Выгоревшие на солнце русые волосы собирались жидковатой косичкой и едва доставали до пояса. Ресницы белые, редкие и короткие, а брови негустые и хуже, чем у всех девчонок в поселке. Единственное, что может привлечь, так это улыбка. Приветливая, чистосердечная и добрая. Даже мать Маши говорила, что за такую улыбку кто-нибудь свернет горы. Кто-нибудь, но не Андрей... Разве можно полюбить человека только за одну улыбку?

Таня и Маша были самыми близкими подругами. С раннего детства они постоянно вместе. Делили тряпичные куклы, играли в прятки, салки и доверяли друг другу заветные секреты. На зависть окружающим, девочки практически никогда не ссорились, хотя и имели совершенно противоположные характеры. Объяснялось это тем, что покладистая и уравновешенная Маша всегда и во всем уступала норовистой и высокомерной Тане, соглашаясь с подругой даже тогда, когда та была не права.

В пятнадцать лет кто-то впервые сказал Тане, что она очень красива. Девушка возгордилась и неузнаваемо переменяла отношение к подруге, все еще остававшейся простой босоногой девчонкой с крысиным хвостиком за спиной. Не было дня, чтобы Татьяна как бы случайно не подчеркнула свое превосходство. Маша обиды не показывала, держала накопившуюся горечь в своем сердце. С обидой пришли недоверие и отчуждение. Девушки все еще оставались подругами, но отношения уже не были прежними. Маша замкнулась и больше не доверяла подруге своих тайн. Одной из таких тайн был Андрей.

Впрочем, Татьяна не хотела замечать отчуждения и старалась быть всегда рядом с Машей, может быть, так она подчеркивала свое превосходство. И свои секреты, как прежде, доверяла подруге.

Таня любила вспоминать о заезде инженера Федоре, таком красивом, уважительном, предупредительном и удалом. Только Маше Таня рассказала о том, как поздними вечерами прошлого августа она тайком бегала в Рабочий поселок, как на сеновале у бабки Маланы произошло в первый раз таинство близости с Федором. Это событие Татьяна восприняла как вполне нормальное явление и отнеслась к происшедшему с необычайной легкостью, как будто выбросила на помойку давно увядший цветок.

Для Маши поведение подруги – трагедия. Как так можно? С первым встречным, без любви? Впрочем, по поведению Татьяны можно было догадаться, что она в своей жизни вообще никогда и никого не любила.

Этой весной Таня призналась Маше, что влюблена в Андрея. Это признание для девушки – нож в сердце. Подруга не оставила ей никаких шансов на собственную любовь...

Таня так и сказала:

– Андрей будет моим и только моим! Он у меня уже в кармане... Ах, Машенька! Это настоящая любовь!

А знала ли Маша, что такое настоящая любовь? Со слов подруги, любовь выглядела как таинство близости двух тел. И еще Таня часто упоминала о том, что Андрей в эту зиму добыл девять соболей и выручил очень большие деньги, равносильные удачному сезону старателей золотого прииска.

Это было странно. Маша не понимала такой любви. Не понимала и поэтому старалась молчать, чтобы не выглядеть в глазах подруги посмешищем.

Когда шли на Пыхтун, девушка тоже молчала, вполуха вслушиваясь в пустые разговоры вышагивающей рядом Татьяны, и смотрела. Смотрела вперед, на него, Андрея, ведущего свой небольшой караван. Близкое и одновременно далекое присутствие любимого человека – как это приятно и волнительно.

Он что-то рассказывал, объяснял, показывал Наташке – Машиной сестренке. Короткие взмахи руки указывали на тропу, где остались следы зверей, на проплывавшие мимо горные цепи и хребты, на голубые распадки, в которых слышался шум быстрых речек и игривых ручейков. В ответ раздавались звонкий голос девочки, торопливые вопросы и веселый смех. Урок природоведения не проходил даром. Объяснения Андрея Наташка воспринимала с интересом и присущим ее десятилетнему возрасту любопытством.

Недаром были выплаканы потоки слез. Не остались без внимания продолжительные, настойчивые просьбы и увещевания взять ее на черемшу. Желание девочки было выполнено только после того, когда за Наташку вступился Андрей. Он поручился за нее, однако не забыв перед этим взять с девочки честное слово во всем и всегда слушаться старших, а особенно Машу. Этот большой поход для Наташки был первым в ее жизни, поэтому девочка была на вершине блаженства. Она веселилась сама, веселила окружающих и с легкостью впечатлительной души передавала всем прекрасное настроение.

Как бы хотела тогда Маша оказаться на месте сестренки! Просто быть рядом с Андреем, смотреть на него, слушать рассудительные речи и любоваться, любоваться тем, кто ей не принадлежит и, может быть, не будет принадлежать никогда.

Андрей оказался внимательным и предупредительным проводником. Сказывалась таежная жизнь, в которой взаимопомощь, товарищество и братство – главные черты настоящего охотника. Да и девичий коллектив, где он впервые пребывал в роли старшего, принуждал исполнять обязанности более пунктуально, чем этого требовали обстоятельства.

Он часто оглядывался и смотрел на экспедицию, следил, чтобы никто не устал и не отстал во время пути. Если караван растягивался, останавливал своего коня и поджидал отставших, а по первому требованию девчат спешивался и объявлял перекур.

К прямому смыслу слова «перекур» Андрей относился отрицательно. Он не курил и к людям, не умеющим управлять своей волей и сознательно затягивавшим никотиновую петлю на собственной шее, относился с жалостью. А данное слово произносил просто автоматически, так как в разговоре старателей-золотарей оно всегда стоит на первом месте и имеет большое значение.

В противоположность Андрею Алексей, казалось, только и ждал, когда появится возможность пустить себе в легкие синий ядовитый дым. Услышав команду друга, Леха тут же останавливал свою норовистую кобылу и оглядывался по сторонам. Он искал глазами пенек или колодину, что могли ему помочь. Спрыгивать с кобылы лихо, как это делал Андрей, парень не умел: он сидел на лошади всего лишь второй раз в жизни.

С едва скрываемой завистью он поглядывал на товарища, который степенно и неторопливо перекидывал через гривастую холку Марата правую ногу, а затем легко и пружинисто спрыгивал на землю. Лехе было стыдно, что он такой неловкий и неуклюжий. Парень делал умное лицо, как будто соскочить с кобылы для него было обычным делом. Важно нахмутив брови, он медленно крутил головой, поглядывая на лукавых девчат, притихших в ожидании «концерта» и откровенно смеющихся ему в лицо.

Подражая Андрею, Леха резко дергал ногой вверх, чтобы соскочить на землю, но ступня, путаясь в уздечке, не подчинялась. Теряя равновесие, парень падал с кобылы, со смачным чавканьем тыкаясь лицом в избитую конскими копытами землю. При этом ноги никак не хотели

высвободиться из уздечки, и создавалось впечатление, что парень роет землю носом с необычайным удовольствием.

От дружного девичьего хохота дрожала тайга. По сторонам в испуге метались стайки дроздов и синичек, а от возвращающегося эха качались ветви пихт и кедров. Глядя на незадачливого товарища, безрезультатно пытающегося высвободиться из коварной ловушки, Андрей усмехался, но тут же подбегал к Лехе и помогал ему принять вертикальное положение.

– Чего смеетесь? Уж я вам покажу!.. – замахивался рукавом грязной телогрейки в сторону подруг Леха.

А уже через минуту он миролюбиво вытирал грязным рукавом свое лицо и добавлял:

– Вам бы так – и вы бы так!

Девчата смеялись еще громче, но Леха не обращал на них никакого внимания. Он лез грязной рукой за кисетом, присаживался рядом с Андреем и заворачивал самокрутку.

– Будешь курить? – всякий раз с усмешкой спрашивал Андрея, хотя и знал, что тот никогда в рот не брал зелья.

Так было и на первом привале, когда они вывершили горку за поселком и остановились на небольшой полянке. Возвышенность открыла широкие просторы, вид которых привлекал своей красотой и неповторимостью. Отвернувшись от Лехи, Андрей засмотрелся на знакомые очертания гор.

Рассвет прогнал ночную мглу и уступил дорогу солнцу, встающему из-за далеких мутных гольцов. Первые робкие лучи уже осветили горные пики Московского белка, смело выглядывавшего из-за туполобой макушки Кладей. Наплывы курумов окрасились малиновым цветом, стоящие ниже скалы семи братьев Екатерининского хребта чернели острыми макушками густого пихтача и отдавали леденящим холодом таежного утра. Из глубокого лога, в котором остался Чибижек, доносились звонкая переключка голосистых петухов и прерывистый шум реки. Отчетливо был слышен равномерный стук топора – кто-то колот дрова по утренней заре. От маленьких, наклепанных друг на друга кубиков домов отделялись едва видимые точки: хозяйки собирали в стадо медленно бредущую скотину.

Прерывистый ветер-верховик, все это время дувший в спину, еще радовал вкусным запахом свежеепеченного хлеба и терпким дымом от печных труб, волновал запахом подрастающей травы, томил душу молодыми листочками трепещущих осин, берез и радовал глаз ритмично покачивающимися ветками пихт, елей и кедров.

Широко открывшийся вид тайги радовал Андрея и придавал сил. Зубчатые горы, синеватые лога и мутноватые, дымчатые дали будто магнитом влекли к себе человеческий взор. Андрей не знал, почему это происходит со всеми, кто хоть когда-то покорил «свою» вершину, взойдя на нее и почувствовал не соизмеримое ни с чем чувство высоты, свободы, простора и полета.

– Хорошо-то как! – сказал Андрей.

– Хорошо или хороша? – пыхнул дымом самосада в сторону Андрея с хитринкой в голосе Леха.

– Ты это о чем?

– Не о чем, а о ком! – многозначительно кивнув головой на Татьяну, ответил Леха.

– Не понял...

– Что не понял? Чего валенком прикидываешься? Думаешь, не видно, как твои глазки блестят? Да ты посмотри, посмотри. Не скрывай, что Танюху любишь! Все знают, что у вас шуры-муры...

– Кто знает? – дрогнул лицом Андрей и, ожидая ответа, «прилип» глазами к девушке, наблюдая, как она в сопровождении Маши степенно подходила к сидевшим подругам.

Когда она подошла, девчата отодвинулись, предлагая ей место. Татьяна, недолго помедлив, запрокинула голову, поправив качнувшуюся косу, как бы еще раз подчеркнула свою

красоту, и, выстрелив сливовыми глазами в сторону Андрея, плавно присела на траву. Руки девушки потянули край юбки, прикрывая оголившиеся колени. Томный вздох усталости вырвался из пухленьких губ, а глаза-молнии вновь выстрелили в парней.

Конечно же Андрей чувствовал, что Татьяна к нему равнодушна, что между ними что-то происходит. Какая-то невидимая связующая нить, идущая от Татьяны, крепнет и приближает его к девушке. Андрей заметил это уже давно, с начала весны, когда на посиделках в сельском клубе девушка впервые оказала ему явные знаки внимания. На танцах под гармошку девушка шла только с ним, улыбалась только ему. Все ласковые слова предназначались только для него. Все старания многочисленных ухажеров проводить до калитки отвергались, это право предоставлялось только ему. Однако этим правом Андрей ни разу не воспользовался, на что Татьяна качала головой и надувала губы. Но обида девушки была непродолжительной. На следующей вечеринке Таня вновь стремилась к уединению с Андреем.

Андрей понимал, какую цель преследует девушка, поэтому от слов Лехи покраснел, отвернулся в сторону, стараясь пропустить слова друга мимо ушей. Леха подливал масла в огонь:

– Все девки знают, вся деревня знает о вашей любви. Девчата мне все уши прожужжали. Один ты как телок мукаешь. Смотри – упустишь девку. А как хороша! Если шарфиком шею повязать – концы не повиснут, а лягут на груди... Эх! Так и хочется посмотреть, что у нее там под кофточкой!

– Ты это... того... Табакерку-то прикрой да за разговором следи, – почему-то вдруг заревавав, перебил его Андрей.

– Во! Наконец-то признался! – засмеялся Леха и, затаившись самокруткой, дыхнул громко и шумно, как запарившийся жеребец.

– Ничего! Я тебя на черемше сосватаю, не пожалеешь!..

– Надо будет – без тебя сосватаюсь, – понизил голос Андрей, искоса посмотрев на девчат. – Докурил? Будет! Хватит колодину греть, пошли дальше.

– Как скажешь, командир, – охотно согласился тот и грозно «прорычал» на девчат: – Чего расселись? Поднимайтесь, пошли дальше! Время не ждет.

Но девчата не торопились подчиняться новоявленному командиру. Все знали добродушный, миролюбивый и спокойный характер Алексея. Девчата давно сделали Леху всеобщим козлом отпущения. Он стал объектом шуток, едких домогательств, насмешек, язвительных пересудов. Парень к подобным издевательствам уже давно привык, смирился и не обижался, а на колкости лениво и равнодушно отвечал:

– Пусть говорят, мне не жалко. Язык без костей.

В Лехе жила с рождения самая главная и непоправимая беда – лень. Он был настолько меланхоличен и медлителен, что мог делать любую работу днями, неделями. Мог проспать двадцать пять часов в сутки, просыпаясь только для того, чтобы поесть. А кушать Леха любил. Очень любил! Во время своего бодрствования он постоянно что-нибудь жевал и прекращал чавканье только для того, чтобы поспать или покурить. Вполне понятно, что свою работу он делал абы как. Никто не соглашался работать с ним не только в паре, но и в бригаде. Итог Лехиной лени был плачевен. Его отправили в бригаду девчат за черемшой. Парень три дня ревел маралом и смягчился лишь тогда, когда ему разрешили ехать на коне.

– Идти пешком! На Пыхтун?! Тридцать километров? Никогда! Не пойду! – распалялся он. – На коне? Тогда можно...

Но во время сборов, рано утром, перед самым выходом в тайгу опять вышла небольшая загвоздка – Лехе предстояло ехать на норовистой и капризной кобыле Липе. Ему казалось, что данный объект передвижения невзлюбил его с того момента, как только он вошел на конюшню.

Липа брыкалась, поворачивалась боком, задом, нервно крутила хвостом, косила глазами, скалила почерневшие зубы в явном намерении укусить Леху за ухо. Но это еще не все. Стар-

ший конюх дядька Митяй наотрез отказался выдать Алексею седло, мотивируя сей факт отсутствием материальных средств. По незнанию парень не придавал этому обстоятельству никакого значения: какая разница, на чем ехать, в седле или на потнике? Лишь бы не пешком! Однако после первого километра пройденного пути Леха заметил, что извивающийся хребет кобылы необычайно больно режет и бьет из-под суконного потника, а свисающие ноги, не имея никакой опоры, наливаются свинцовой тяжестью.

Но Алексей героически терпел это неудобство, разумно размышляя, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти. И пусть едет на кобыле всего лишь второй раз в жизни, пусть на ней нет седла, но он все равно поедет. Надо только взобраться на Липу под неотрывными взорами девчат, жаждущих продолжения концерта. Они язвили:

– Садиться на коня надо с правой стороны! Прыгай сзади! Хвост подними...

Но Леха не обращал на реплики девчат никакого внимания. Его косой взгляд был прикован к Андрею, который заученным рывком вскочил на Марата. Правая рука привычно поправила ремень плотно прилегающей к спине «тулки», а левая дернула сыромятную уздечку.

Повторить движения друга Лехе мешает несколько лишний вес. Да и зацепиться не за что – нет седла. Но это его не останавливает. Он не должен ударить в грязь лицом перед девчатами. Леха, присев как можно ниже, почти до самой земли, что есть сил оттолкнулся ногами.

Результат превзошел все ожидания!

Может быть, кобыла была слишком низка или Леха оттолкнулся слишком сильно, но свой полет парень запомнит надолго. Бесполезно стараясь зацепиться руками и ногами за воздух, издав невообразимый «хрюк», Леха вновь взрылил жижу под шарахнувшейся кобылой.

От восторженного визга девчат заплясали лошади. Сконфуженный Леха с убитым видом поднялся на ноги и, стараясь вытереться рукавом, размазал по лицу грязь. Но все же, не отступаясь от задуманного, парень опять схватил Липу за уздечку и покорил трудную высоту.

Покрутившись натертым местом, Леха обиженно фыркал на девчат и, ткнув кобылу пятками под бока, поехал за удаляющимся Андреем.

Следом, все еще смеясь, строились девчата и, растянувшись цепочкой, будто цыплята за курицей, пошли за торопливо идущими лошадьми.

Не спешила только Татьяна. Она медлила, задерживала незначительными разговорами Машу и, поднявшись с земли в последнюю очередь, неторопливо замкнула шествие. Она знала, что через некоторое время Андрей остановится и остановит всех. Этим она еще раз хотела привлечь его внимание. Девушка знала, что он будет ждать, и от этой мысли ей было приятно. Татьяна рассчитала, что за постоянным вниманием начнется ухаживание, возникнут чувства...

Глава 3

На притихшие Саянские хребты неслышными, рысьими шагами наступала теплая ночь. Ступающие сумерки плотно окутали тайгу. Быстро бегущие облака из глубины мрака несли сырость и прохладу. Влажный воздух, поднимающийся из-под перевала, предвещал дождь. Вот уже первые редкие капли с едва слышным туканьем забились о холодную, недавно освоившуюся от зимнего покрывала землю. С потоками воздуха наплывали дурманные запахи талого снега, молодой, еще не окрепшей, но сочной травы-дурнины, упрямых дудок господствующей пучки, побегов маральего корня, рубцеватых листочков редкой березы и ползучей ольхи. В этот букет врезался терпкий привкус смолы кедров и пихт, удлиняющих свои лапы-ветки робкими светло-зелеными хвоинками из лопнувших от ласкового прикосновения теплого воздуха почек. Иногда доносился нежный девственный аромат таежных жарков, оранжевым платком накинутах на солнцепечные поляны.

С горы слышится рвущийся шум прыгающего по острым камням ручья. Его несмолкаемый разговор ласкает слух, успокаивает и зовет к размышлениям. Изредка вскрикнет дрозд, пикнет юркая мухоловка, тинькнет проворная синичка, чирикнет вездесущий поползень, с глухим трепетом порхнет с гнезда смененный подругой рябчик, бесшумной тенью мелькнет силуэт вылетевшей на ночную охоту совы. Где-то в черном небе невидимо поет свою запоздалую токовую песню быстроскрылый бекас. Он единственный, кто, противоборствуя законам прошедшей любви, вызывает из насиженного гнезда терпеливую подругу, что своей нежностью и теплотой согревает закованных в скорлупу яиц птенцов. То тут, то там раздается говорливая речь его вибрирующего хвоста, звонкое звяканье да резкий свист крыльев при наборе высоты. Однако напрасны и бесполезны старания раздухарившегося жениха. Никто не отвечает на его настойчивые призывы, никто не зовет его разделить ушедшую любовь. Но бекас не утомим. Он полон сил. Ему кажется, что вот-вот, на следующем круге, что-то должно произойти. И от этого самообмана наполняются силой крылья, чаще бьется сердце птицы и зовет, зовет его к небесам...

На поляне перед избушкой горел большой костер. Жаркие языки метрового пламени жалили наступающие сумерки, дарили тепло окружающим людям и своим танцем очаровывали, завораживали отдыхающие души.

Маша сидела в отдалении от огня и украдкой наблюдала за сидящим напротив Андреем. Она молчала и на вопросы подруг отвечала не сразу и невпопад.

– Ты о чем думаешь? – спросила девушку Татьяна.

– Да так... Ни о чем. Просто комары заедают, – быстро нашлась Маша.

– Садись поближе к костру – будет обносить дымом, – посоветовала Таня и, плавно повернув голову, вновь стреляла глазами в Андрея.

Андрей допивал вторую кружку густо настоянного смородинового чая. Капельки пота выступали на его лице. Андрей дотрагивался до лица рукавом куртки. Он подолгу задерживал взгляд прищуренных глаз на милом лице Маши. А когда их взгляды встречались, уголки губ нервно подрагивали, превращаясь в многозначительную улыбку. От этих взглядов у Маши замирало сердце, душу волновало необъяснимое томление, а руки мелко дрожали. Она не могла долго выдержать на себе этот взгляд, старалась смотреть на костер, на подруг, на темноту и еще куда угодно, но только не на Андрея.

«Почему он так смотрит? Зачем улыбается и что это значит?» – который раз задавала она себе неразрешимые вопросы и, стараясь найти ответ, искала его во взгляде Андрея. Волнение нарастало, и девушка была счастлива. Этот вечер принес ей первые минуты сближения с Андреем.

И пусть это сближение происходит в присутствии подруг, все равно! Пусть будет так! Она желала просто смотреть на него, чувствовать его взгляд на себе. Ей хотелось сидеть вот так всю ночь, чтобы он сидел за костром напротив и чтобы эти минуты складывались в часы, часы в дни, а дни в вечность...

Неумолимое время сгустило сумерки. Накапывающий дождь перерастал в затяжную противную мокрядь. А это значило, что близилась пора расставания, чего очень не хотелось Маше.

Почти все спали в большом староверческом зимовье. Постепенно стих веселый смех девочек, негромкие разговоры и тихие напевы про молодость и любовь. Не слышится звонкого колокольчика Наташки, которая весь день провела рядом с Андреем: слушала, выпытывала, рассуждала и рассказывала сама обо всем на свете. За день общения с понравившимся ей человеком она выдала и восприняла столько информации, что подобное едва бы выдержал и перенес любой из самых терпеливых людей. Но Андрей выдержал. К вечеру они уже были самыми лучшими друзьями, потому что он ей все разрешал и доверял.

Где-то на перевале за черемшаными полянами забухала, заклохотала испуганная капалуха. Тревожно затрещали вездесущие дрозды, и сразу же, поддерживая их волнение, захрипели, зафыркали пасущиеся неподалеку стреноженные лошади.

– Пойду коней посмотрю.

Неторопливо сняв с сучка ружье, он привычным движением подкинул его на плечо и, бесшумно ступая, растворился в темноте.

Маша всегда поражалась походке Андрея, но до этой минуты она не могла понять, в чем заключается эта особенность. Что могло быть интересного в том, как он ходил? И только приглядевшись внимательнее, поняла: Андрей ходил совершенно бесшумно, плавно переступая. Он не шел, а плыл по воздуху, как крадущийся за добычей охотник. Впрочем, он и был хорошим охотником.

Как только стихли его шаги, Татьяна поднялась с земли, закинула за спину косу и, поправив на груди кофточку, хитро улыбнулась Ане:

– Пойду и я прогуляюсь!

Сладко потянувшись, Аня зевнула и, обращаясь к притихшей Маше, спросила:

– Ну а мы что, спать пойдем?

– Я еще немного посижу... – едва выдавила Маша неузнаваемым тихим голосом.

– Сиди не сиди, а сейчас уже ничего не высидишь и не дождешься! Танюха своего не упустит...

– Ты это о чем?

– Как это о чем? Думаешь, никто не видит, какими глазенками ты смотришь на Андрея? – понижая голос, опасаясь подслушивания, проговорила Аня и добавила: – Жаль мне тебя, Маша, но Андрей – птица не твоего полета. Лучше отступись, забудь. Смотри, сколько ребят на прииске – выбирай любого, все хороши! А Андрей уже давно Танькой занят... Так ты идешь спать или нет?

Так и не дождавшись ответа, Аня еще раз зевнула и, коротко махнув, скрылась за скрипнувшей дверью избышки.

Маша молчала. Не замечая ничего вокруг, она смотрела на огонь. Горькое чувство охватило девушку. Непроизвольные слезы выступили на глазах. Подкатившийся к горлу судорожный спазм перехватил дыхание. В голове беспрестанно бил победный набат, будто колокол передавал всей округе: «Вот и все, вот и все...»

Она не помнит, сколько прошло времени, отступившая реальность стерла границы уходящего и приходящего. Но вдруг совершенно неожиданно на ее подрагивающие плечи легла теплая охотничья куртка. Резко обернувшись, Маша увидела позади себя Андрея. Он смотрел

на нее сверху вниз и, как всегда, улыбался уголками губ. Тяжелая мозолистая рука нежно коснулась головы девушки и осторожно, ласково погладила мокрые от дождя волосы:

– Замерзла, милая?

От непривычного слова «милая» огнем пыхнуло лицо и высохли слезы. Она не слышала, не видела, как и когда он пришел и повесил под навес ружье.

– Медведица балует с медвежатами. Она здесь живет, но коней не тронет – сыта. Корму много – трава большая, да и пучка уже по пояс, – говорил он просто так, как будто оправдываясь и объясняя самому себе, а не Маше. За разговором незаметно, автоматически подкинул в затухший костер два полена дров и присел рядом, плечом к плечу.

Она не отодвинулась. Тогда, даже если Маша и захотела это сделать, то не смогла бы. Руки и ноги мелко дрожали, но уже не от холода, как это было несколько минут назад. Они были впервые в жизни так близко друг от друга: Маша чувствовала щекой его дыхание. Ей не хватало ни сил, ни смелости что-то сказать или о чем-то спросить: все слова утонули где-то глубоко, в сердце, и не находили выхода. В голове молниями носились сумбурные мысли: «Почему он здесь? Почему молчит? Где Татьяна?» Как будто прочитав ее мысли, он негромко заговорил сам:

– Танька где-то по тайге бродит. Ничего, придет, никуда не денется...

Он расшевелил небольшой костер. Огонь вспыхнул, обдавая жаром, осветил лица. Чувствовалось, что Андрей ждал этого момента, повернувшись к Маше, он заговорил очень серьезно:

– Наконец-то мы с тобой первый раз в жизни вместе, вдвоем и наедине. Как я ждал этой минуты! Я давно хотел с тобой поговорить, думаю, что ты тоже... Машенька, я догадываюсь, о чем ты думаешь... Я вижу это по твоим глазам! Когда ты смотришь на меня, я чувствую, что ты что-то хочешь сказать... Но почему ты боишься меня и убегаешь, будто белка от аскыра? Ты мне очень нравишься...

Маша вздрогнула, искорки взгляда метнулись к его глазам и тут же испуганно бросились в сторону, а он, несколько осмелев, продолжал:

– Я вижу, Машенька, я знаю, что ты любишь меня!

Маша едва не задохнулась. Ей показалось, что у нее остановилось сердце. Костер перекинулся на лицо и уши.

Слова Андрея для Маши приятны и желанны. Она не могла противиться и тем более бороться с истинными чувствами своей трепещущей души. Маша молчала, опуская голову все ниже.

– Вот видишь, я не ошибался, – продолжал Андрей после некоторого молчания. – И хочу сказать тебе, что... тоже тебя очень люблю!

Крепкие руки Андрея прижали ее к своей груди. А потом был их первый, нежный, горячий поцелуй.

Андрей осторожно гладил рукой ее волосы, что-то шептал и не переставал касаться губами ее губ, щек, прикрытых глаз и горевшей огнем шеи.

Маша забыла обо всем на свете и желала только одного: чтобы эти минуты длились как можно дольше. Она уже не стыдилась небывалых прикосновений и, преодолев границу стыда, просто забыла об этом. Ее руки потянулись к Андрею, обняли его за шею.

Но эти прекрасные минуты были прерваны призывным криком Татьяны, плутавшей в темноте ночи в сотне метров от костра.

Маша дикой кошкой отпрянула от Андрея и, испуганно посмотрев ему в глаза, спросила:

– А как же Таня? Она же тебя любит!

– Ну и что в этом такого? Я же ее не люблю! Что мне она?

Из тайги вновь прилетело призывное «ау». Андрей ответил, и через несколько минут на свет костра не вышла, а вылетела мокрая, грязная и расстроенная Татьяна.

С каким злом она выстрелила глазами в сторону преспокойно сидящих у костра Маши и Андрея! А, увидев на плечах Маши куртку Андрея, заскрипела зубами. Не задерживаясь ни на секунду, она проскочила в избушку, специально оставив открытой дверь, после чего послышался ее злой и в то же время приторно-ласковый голос:

– Машенька! Пойдем спать!

Маше стало неловко оттого, что через дверной проем на них смотрят любопытные глаза девчат. Сняв с плеч куртку, девушка с любовью и надеждой посмотрела Андрею в глаза и, замерев на секунду, как будто прощаясь, убежала.

– Ты что же это, дорогуша, дорогу мне перейти захотела? – по-змеиному, зло зашипела Татьяна в ухо Маше. Но настойчивый шепот Татьяны, легкие толчки ладонью в бок, любопытные вопросы были очень далеки от Маши и в данный момент не имели никакого значения. Она молчала, счастливо улыбаясь в темноте, и думала о своем. На душе девушки было тепло и спокойно.

Глава 4

Легко рвется черемша! Толстые, с большой палец, стебли-палочки с широченными листьями звонко отщелкиваются под проворными руками девчат. Плантация красно-зеленых побегов так обширна, что едва видны чахлые пихты на противоположном конце поляны. «Зеленка» заполонила весь таежный лог, разрослась тут и там – негде ступить, заняла место под солнцем, успевая принять в себя все соки, цвета и прелести короткого лета.

Андрей торопил девушек, стараясь как можно скорее заполнить восемь конских выюков, чтобы не позднее обеда вывести небольшой караван в Чибижек.

Наташка помогала изо всех сил. Как истинный контролер, определяющий качество работы своих подчиненных, она бегала между склонившимися девчатами и поучала их, как надо рвать черемшу.

О том, что этому немудреному ремеслу ее только что научил Андрей, девочка не говорила никому. Это был секрет. Она взяла с Андрея слово, что он больше никому не расскажет, как надо рвать черемшу, и теперь, пользуясь этим преимуществом, была на высоте, ходила по поляне и важно щебетала:

– Черемшу надо рвать против шерсти, на корень. Тогда она будет легко отщелкиваться. Да не так, а вот так! Дергай свободнее, сильнее, не рви, а наклоняй на корень. Эх ты, неумеха!

Наташка обошла всех несколько раз и уже принесла Андрею три «больших» охапки, но не подходила к Татьяне.

Причиной тому была утренняя шалость Наташки, поднявшейся раньше всех и наложившей «пепельный макияж» на лицо спящей красавицы. Надо было видеть Татьяну, когда она вышла из избушки на всеобщее обозрение. Смеялись все, за что девушка обозлилась на Наташку и пообещала отстегать ее крапивой. Так как шалунью за широкой спиной Андрея поймать было нелегко, то неотвратимое наказание злопамятная девица решила отложить до первого удобного случая. А пока ей ничего не оставалось, как с нахмуренными бровями выслушивать из уст девочки дразнилки:

– Танька-зола, расчумазая была. Черемшу солила и козла доила!

Почему именно Танька доила козла, было неизвестно и самой Наташке. Но она от своей выдумки не отказалась.

Подобной раскраске подвергся и истинный любитель мордовской борьбы с подушкой Леха. Но в противоположность Танюхе он несколько не обижался на Наташку, а, наоборот, добродушно улыбаясь, стер сажу на уши и шею и нараспев сказал:

– Что с дитя возьмешь?

После сытного завтрака Алексей торжественно улегся в тени старого кедра и занялся кропотливым процессом сворачивания самокрутки. А когда табачный дым за клубился из ноздрей, для Лехи наступила блаженная минута вдохновения! Прищулив мечтательно глаза, вглядываясь в таежные дали, что необозримыми просторами открылись с черемшанных полей, парень рассуждал о сотворении мира, о том, для чего человеку нужна черемша, и еще о многом другом, что может взбрести в голову на сытый желудок. И еще на сытый бок парень любил думать о своей мечте. Она – что голубая дымка на горизонте, скрывающая таинственные дали, – была окутана секретом, о котором знала половина поселка.

В прошлом году, побывав с продуктовым обозом в Ольховке, Леха впервые увидел чудо двадцатого века – аэроплан. А дело было в начале 40-х годов. Затаив дыхание, окрыленный вдохновением, парень часа три на цыпочках «нарезал» круги вокруг него, вдыхал аромат рассохшейся на потрескавшихся крыльях фанеры. К самолету подошел какой-то мужик в рукавицах до локтей и больших, как у налива, очках.

Пилот важно уселся в кабину за рычаги, запустил двигатель и растаял в голубом небе.

Напрасны были Лехины ожидания, что вот-вот самолет вернется назад, сядет на поляну и что он вновь сможет коснуться рукой зеленого крыла, – пилот не возвращался. Но Леха был готов ждать свою мечту хоть час, хоть день, хоть неделю. Может быть, он и дождался, если бы не жгучий кнут старшего в продуктовом обозе дядьки Миши. Кнут с режущим свистом прилип к хребту парня.

С той минуты Леха решил: «Буду пилотом!»

Он любил представлять, как сидит за штурвалом самолета и, покачивая крыльями, плавно пролетает над Чибижеком. Все девчата, естественно, бегут по дороге за тенью этой машины и слезно просят:

– Алексей! Сокол ясный! Забери нас с собой в полет!

Даже дядька Миша с сожалением цокает языком и, хлопая по своим ногам кнутом, качает головой:

– Эх! Какой конюх был – орел!

А Леха прощально плюет сверху вниз и привычным голосом руководит штурвалом:

– Но-оо-о-о! Поехали, милый!

Но более всего Леха любил блеснуть своими познаниями в области авиации. Внимательно посмотрев на чарующие виды открывшихся с высоты перевала близстоящих белков, он спросил Андрея:

– Как ты думаешь, сколько времени мне понадобится на то, чтобы облететь Лысан и Тихон?

Оторвавшись от работы, Андрей посмотрел на голыцы и оценивающим взглядом определил расстояние:

– На самолете не летал – не знаю. А вот пешком – за двое суток не обойти.

– Я думаю, что мне хватило бы двух минут! – не задумываясь, соврал Леха и сделал очень серьезное, многозначительное лицо бывшего воздухоплавателя.

Андрей посмотрел на напарника, качнул головой и продолжил обрезать охотничьим ножом листья черемши. А Леху понесло:

– Мне бы только узнать, где обучают на летчиков, тогда я обязательно выучусь! Тогда в Чибижеке будет свой аэроплан! Не надо будет возить черемшу на лошадях – я ее буду возить на самолете. Только успевай рвать и грузить!

– Интересно, а где же можно приземлиться? – спросил Андрей, показывая руками на необъятные просторы тайги, где шапки вековых кедров теснят друг друга, завоевывая место под солнцем.

– А вон, смотри, какой аэродром! – быстро нашелся парень, показывая рукой на огромную поляну в широком логоу, где брал свои истоки Степной Сисим.

– Но там же кочки, бугры и ямы – самолет не сядет! – старался охладить «пилота» Андрей.

– А мы девок с лопатами да кирками отправим. Они за день площадку разровняют!

Андрей не стал больше переубеждать «бывалого воздухоплавателя», так как знал, что в часы воодушевления Леху переубедить практически невозможно. Он взялся за нож и принялся резать черемшу.

Леха, оставшись наедине с собственными мыслями, с головой утонул в светлом будущем, опять представил себя за штурвалом аэроплана и несуразно зашевелил губами:

– Чих-чих-чих! Тах-тах-тах! Ты-ты-ты-ту-ту-туу-уу-ттрррррр...

«Опять полет!» – подумал Андрей и посмотрел на девчат: слышат или нет? На первый взгляд показалось, что никто не слышал «тарактения мотора». Стараясь оградить друга от девичьих издевок, он поспешил остановить Алексея:

– Леха! Иди от девчат черемшу подтаскивай. Им легче будет, да и делу помощь. Быстрее лошадей завьючим!

– Вот еще! Баба не лошадь. От работы не помрет. Надо – сами принесут!

Сказал тихо, вполголоса, для Андрея. Но девчата услышали. Тут же со всех концов поляны началась словесная атака:

– Летчик-налетчик! Ты с коня падаешь, а еще в самолет просишься!

– Таких сопливых, как ты, в летчики не берут!

– Штаны шей запасные, а потом в летчики просись!

Бедный Леха, не зная, что ответить, сердито засопел, обиделся на весь белый свет и перед тем, как замолчать до конца дня, грозно выдохнул:

– Все девки – дуры!

Андрей больше не приставал к Лехе. Пусть лежит, помог бы завьючить лошадей да сопроводить груз в поселок. Поднимать тяжести – единственное, что он делал с некоторым удовольствием.

Недостаток умственного развития Леха с большим преимуществом восполнял силой, которой у него было более чем достаточно. В поселке все старатели-золотари наслышаны о его шутках. Он мог без особых усилий закинуть кузнечную наковальню на крышу кузницы, на спор завалить на лопатки годовалого быка или тащить по ухабистой дороге конскую телегу с десятью «пассажирами» на ней. Случай, связанный с бабкой Егорихой, конечно же помнят все.

От сварливой бабуся, за хромоту в простонародье окрещенной Дыб-нога, парню не было прохода. Завидев его, она верещала зайцем:

– Посмотрите на него – это идет настоящий лодырь! Трутень, увалень, лоботряс...

Леха терпел, понимая, что бабуся еще в прошлом веке «упала в колодец».

– Стар что млад. В поле ветер – в мозгах дым! – говорил он, избегая контактных отношений с Дыб-ногой, приветливо улыбался и проходил мимо.

Старуха долго плевалась вслед и кричала еще невесть что.

Так продолжалось долго, пока Егориха наконец не попала Лехе под плохое настроение. Описываемые события происходили рано утром, когда парень спешил на работу. Может быть, он не выпался или не поел – история умалчивает – и на досаждающий крик старухи отреагировал молниеносно.

Схватив Дыб-ногу за шиворот, Леха подтащил опешившую старуху к стене ее дома, приподнял плечом три последних венца бревенчатого сруба и, просунув в образовавшуюся щель седую косу Егорихи, опустил стену домика в нормальное положение.

Так как все мужики старательского поселка были уже на прииске, то на отчаянный призывный вопль «привязанной» бабки сбегались лишь дети, женщины и старики. Вполне понятно, что высвободить Егориху из заточения они не могли, хотя использовали все средства. Видя, что усилия по освобождению бабки из плена не имеют успеха, страдающий с похмелья дед Никита, в прошлом охотник, за бутылку пообещал дать деловой совет. Дыб-нога согласилась на сделку. Недолго думая, старожил схватил стоящий под рукой топор и с легким криком отрубил Егорихе косу у самого затылка. Отчаянный вопль негодующей бабки долго витал над прииском.

Отношение к Лехе у бабуся переменилось до неузнаваемости. При встречах Дыб-нога приветливо улыбалась, здоровалась и осведомлялась о драгоценном здоровье парня. Леха не гордился своей проделкой, с Егорихой всегда здоровался и радовался удачному окончанию натянутых отношений, так как не видел за своей спиной злого взгляда бабки, которая на недосягаемом для его ушей расстоянии страдальчески шипела:

– У-у-у! Мерин необъезженный!

Лихо орудуя острым ножом, Андрей искоса наблюдал за Машей. Девушка рвала черемшу неподалеку, в каких-то двадцати метрах, и конечно же чувствовала на себе его взгляды.

Маша весело переговаривалась с подругами и, не обращая внимания на хмурую Татьяну, быстро набирала пучок за пучком, накладывая черемшу горкой. Она знала: чем быстрее набе-

рется посильная охапка, тем раньше она подойдет к Андрею. Это означало, что еще раз он улыбнется ей, еще раз метнется искра из прищуренных глаз и еще раз его рука осторожно коснется ее руки.

Она собрала такую большую охапку, что не видела землю. Андрей вскочил, поспешил навстречу и хотел принять черемшу из рук в руки. Ладонь правой руки скользнула под стебли и совершенно случайно зацепила край приподнятой кофточки. Сам того не ожидая, Андрей почувствовал изогнувшуюся от неожиданного прикосновения гибкую талию Маши, нежный лоск кожи и девичью грудь. Он ощутил напряжение замершего тела, пожар метнувшейся к сердцу крови. Инстинктивно защищаясь, Маша прижала к себе охапку черемши, под которой находилась рука Андрея.

Лицо в лицо. Глаза в глаза. Дыхание в дыхание. Остановился мир, замерли движения, исчезли звуки...

Это продолжалось не более двух секунд, но Маше показалось, что их близость длится целую вечность, что окружающие девчата все видят и внимательно наблюдают за происходящим. Опомнившись, девушка отшатнулась от Андрея, и черемша посыпалась на землю.

Но девчата были заняты работой и даже не подняли головы. Леха мирно дремал под кедром. И лишь Татьяна, одна из всех, краем глаза наблюдала за Машей и Андреем.

О! Если бы кто видел, в каком бешенстве сузились глаза ревнивицы, как потемнело ее лицо! Что пришло ей в голову, когда именно в этот момент, как будто на беду, к ней подошла Наташка и без всяких умыслов, каверз и хитростей заговорила о чем-то? Что происходило в злой и мстительной душе Татьяны?

Быстро, резко и сильно замахнувшись, Татьяна ударила Наташку толстенной черемшой по щеке. Звонкий щелчок и хруст разлетевшегося на несколько частей сочного стебля, как удар хлыста, разнесся по всей поляне. Наташка завизжала от боли и, схватившись ладошкой за щеку, бросилась под спасительное крыло сестры.

– Ты что, совсем рехнулась, на ребенка руку поднимаешь? – сурово пробасил Андрей, вместе с Машей успокаивая захлебывающуюся слезами Наташку.

– Посмотрите, какие нежности! Да я ее легонечко, чуть-чуть, а она уже и разревелась! – протянула Татьяна.

Андрей мягко отстранил Наташину ладошку, и все увидели протянувшийся от левого уха до подбородка рубец, на глазах превращающийся из красной полоски в сливовую борозду.

Девчата подавленно молчали. Они видели, что Татьяна была не права, но вступить за девочку никто не решался, так как авторитет девушки был неоспорим. Лишь один Андрей, едва не сжимая кулаки, продолжал защищать девочку:

– Ты что себе позволяешь? Думаешь, тебе все можно? Дома над родителями издеваешься, здесь – над подругами, да еще взялась детей бить?

– А ты что, в заступники записался? Какое тебе дело? Может, имеешь интерес? Может, Маруське под кофточку залез?

– А это уже не твое дело. Помни о себе, когда говоришь о других!

– А что мне о себе помнить? Мне нечего вспоминать. Мне никто под юбку не заглядывал!

Андрей, все больше удивляясь наглости и дерзости Татьяны, не удержался и сорвался:

– Ой ли? А как же твой хваленый инженер? Или он не в счет?

Татьяна так и подпрыгнула на месте. Лицо исказилось в гневе. Глаза превратились в узкие щелочки, губы вытянулись в тонкую линию, а ладони сжались в кулаки. Сверкнув глазами, взбешенная девушка, как развернувшаяся пружина, бросилась на Андрея, но пробежала мимо. Схватив с сучка ружье и направив на Андрея, Татьяна умело щелкнула курком и с надменной улыбкой зашипела:

– Так что ты там говорил про инженера? Кто тебе об этом рассказал? Случайно, не твоя драгоценная Машка?

– Ты что, Танюха?.. В стволах жаканы! Смерти хочешь?

– Я знаю, что там стоят пули! Боишься? Рассказывай, про что там тебе Машка напела!

– Машка не виновата. Ты сама языком чешешь без меры, направо-налево. Весь прииск знает об этом, а ты еще хочешь скрыть иголку в стогу сена... – говорил Андрей, одновременно ступая мелкими шагами навстречу наставленным стволам.

– Стоять! Не двигайся! Проси прощения на коленях! Быстро! Как собаку пристрелю! – почти закричала Татьяна, подкинув приклад к плечу и прицелившись парню в лицо.

Андрей молчал. Ни один мускул не дрогнул на побледневшем лице.

– Что стоишь? – немного помедлив, повторила Татьяна. – Я жду. И считаю до трех: раз...

Оглушительный выстрел разорвал насторожившуюся тишину. Гром, созданный руками человека, взорвал воздух и, испугав все живое, покатился в глубокий лог. Колкое эхо метнулось, ударилось о склоны гор и вернулось назад.

Подстегнутая ослепительным метровым пламенем пуля, невидимо вылетевшая из ствола, ушла в легкое, низко плывущее облачко. Дважды перевернувшись в воздухе, как тяжелая палка, под ноги Андрею упало ружье.

Вслед за ружьем, ткнувшись головой в мягкую землю, будто подрубленное дерево, свалилась без сознания Татьяна.

Леха, незаметно подкравшись сзади к девице, неторопливо потирал ушибленную ладонь. После нескольких секунд неопределенности он коротко сплюнул и как бы нехотя бросил:

– Я же говорил, что все девки – дуры...

Глава 5

Сквозь сон Маша слышит какие-то непонятные звуки, похожие на мычание коровы. Звук настойчив и требователен, раздаётся с определёнными промежутками. Девушка не может понять, где она. Какие-то секунды, и она осознала, что находится в таежной избушке в окружении подруг. В темноте Маша осторожно проводит руками и натывается на спящую сестренку. Она сладко сопит. Однако в размеренное дыхание спящих подруг вкрадывается более громкое мурлыканье, раздающееся непонятно откуда.

В семнадцать лет девичий сон самый чуткий. Маша, проснувшись полностью и присев на нарах, замерла, вслушиваясь в незнакомую убаюкивающую песенку.

– Ууу-уу-урмм! Ууу-у-у-урмм! – слышалось где-то рядом, у самого уха. Сразу же за этой песенкой раздался ответный, более громкий призыв, как будто кто-то бубнил в пустой бочке:

– Урррмм! Пуфф-ффухх!

Девушка поняла: «Да это же медвежонок! А кто ему вторит?»

– Пуфф! Фухх! – раздалось снаружи опять, но уже громче и требовательней.

От легких ударов по стене вздрогнула избушка. Маша окаменела, от страха заколотилось, затрепыхало сердце, да так сильно, что, казалось, вот-вот выпорхнет из груди. Она окончательно поняла, что идут «переговоры» матери с медвежонком. Противный, скребущий звук вывернул душу – медведица попробовала стену на «коготь». Слышно, как трещали отдираемые от бревен щепки. Стена не поддавалась.

Затем мамаша ударила стену своим телом, и сильнейший удар разбудил всех девчат. В потемках послышались недовольные голоса:

– Кому не спится?

– Зажгите лучину! Спички на столе.

Опомнившись, Маша бросилась к столу по памяти и, быстро похлопав по доске ладошкой, нашла спички. Трясущимися руками достала одну из серянок, зажгла и поднесла пляшущий огонек к воткнутой в щели бревна лучине. Пламя перекинулось на щепу и растворило мрак ночи в зимовье, осветив недоуменные, заспанные лица.

– Что всполошились? – зевая, спросила Татьяна, но на ее вопрос никто не успел ответить.

Еще один удар, сильнее предыдущего, обрушился на стену. Зимовье дрогнуло, но стены и на этот раз не сдали. Срубленная изба напоминала маленькую крепость. Шесть кедровых кряжей, выложенных когда-то на совесть добросовестными и кропотливыми старовеерами, выдерживали натиск медведицы.

Девчата сразу же поняли, что происходит. В зимовье началась паника. Все бросились к противоположной стене, в суматохе толкая друг друга, наступая на упавших, спотыкаясь. Визг, крик, плач!

А медведица бьется все чаще, кидается на преграду, грызет клыками стену, царапает ее когтями. Только и слышится, как трещит отдираемая древесина. К протяжному стону и настойчивому фырканию добавляются шумный сап и грозный рык – хозяйка тайги начинала сердиться.

Вдруг все стихло: медведица перестала биться о стену. Очевидно, она меняла тактику нападения.

Прошла минута, за ней вторая, третья... Вдруг сухим звоном щелкнуло разбившееся стекло, и внутрь избушки просунулась оскаленная медвежья пасть. Грозный рев, частое клцанье клыков, тяжелое смрадное дыхание смешались с криком и визгом девчат. Слишком маленький выруб окна не пропускал медвежью голову внутрь. Но сообразительный зверь пошел на хитрость. На какое-то мгновение голова исчезла, а появившаяся взамен ее когти-

стая лапа стала рвать бревна изнутри, расширяя проход. Десятисантиметровые когти-крючья больше походили на пожарный багор, чем на звериную лапу. Они были остры, словно лезвие ножа, и резали древесные волокна, как сливочное масло. С каждым зацепом рвались большие куски щепы, но кедровые бревна держались. К правой лапе присоединилась левая. Медведица стала раскачивать стену, стараясь вырвать венец, но бревна были срублены плотно и точно и на старательные рывки зверя не поддавались.

Чувствуя крепость избы, медведица убрала лапы и вновь просунула смрадную пасть, ужасающим ревом выказывая свое недовольство. Зачавкали челюсти, предсказывая неминуемую развязку.

И тут Маша, освободившись от цепких объятий сестренки, схватила пучок лучин, подожгла их от горевшего пламени и, подождав, когда разгорятся, изловчилась и сунула полыхающий костер в широко открытую пасть медведицы.

Морда зверя мгновенно исчезла.

За стеной раздался ужасающий громоподобный рык. Машу будто подменили: быстрыми и точными движениями она разложила пучки на столе и замерла в ожидании.

Но черный квадрат окна был пуст. Обезумевшая от боли медведица, попробовав вкус пламени, больше не появлялась. Потерпев поражение, она вымещала зло и ярость на том, что попадалось на пути. Легкими пушинками отлетали по сторонам деревца и кустарники, вырванные с корнями. Глухими ударами катились вывернутые из земли камни, а на стены зимовья летела разгребаемая лапами земля. Было слышно, как с треском рвущейся ткани отдиралась кора векового кедра.

Хозяйка тайги бросилась крушить летний столик, наспех сколоченный Андреем. Под медвежий клык в одно мгновение попали не прибранные девчатами продукты и посуда. Ложки, кружки, чашки просто плющились в мощных челюстях, а съестные припасы разлетались далеко по кустам. На разгром летней кухни у медведицы ушло не более пяти минут. Однако это не удовлетворило ее, и хозяйка тайги вернулась к зимовью.

– Ууу-у-у-р-р-рмм! – мякнула мамаша.

Ей тут же ответил медвежонок. Услышав взывающий призыв родного чада, медведица с новой силой бросилась в атаку.

Вновь затрещали доски, с легкостью птичьего пера разлетались под натиском зверя прирубленные к зимовью обширные сени. Массивная кедровая дверь, преграждающая вход в зимовье, на некоторое время остановила зверя. Подпертая на крепкий засов изнутри, она не сдавала. Более того, плотно подогнанная в бревна дверь даже не шелохнулась под натиском звериных лап. Медведица рвала древесину, давила грудью, била лапами и старалась найти хоть какую-то щель, чтобы зацепиться. В ход пошли клыки, но успех был так сомнителен, что через некоторое время мамаша отступилась и, несколько успокоившись, отошла от зимовья на исходную позицию, обдумывая новый план нападения.

Наступила тишина и в избушке. Девчата замолчали. Все смотрели на Машу, которой стоило огромных усилий не сорваться, не закричать, как все девчата, не броситься под нары. Она понимала, что в этот раз их никто и ничто не защитит: ни его величество случай, ни молитвы, ни всемогущий Бог.

А хозяйка тайги сидела неподалеку от зимовья. Гневно вдыхая в себя запахи неприступного человеческого жилья, она искала возможность проникнуть внутрь. Медведица долго крутила головой, пока наконец-то ее внимание не привлекла крыша избы. Там, наверху, она еще не была. Поднявшись на кряжистых лапах, долго и осторожно ходила вокруг зимовья, пока не нашла самое низкое место. А уж запрыгнуть на покатуя крышу для зверя было делом одного мгновения. Попробовав лапой легко оторвавшуюся доску, медведица удовлетворенно фыркнула. Теперь она не сомневалась, что добьется своей цели...

Под тяжестью зверя задрожали стены. Затрещала, застонала и прогнулась матка. С потолка посыпалась земля. Маша не ожидала, что мамаша додумается до такого легкодоступного способа проникновения в избушку. Девушка лихорадочно соображала, что делать. «Огонь!» Да, именно пламя – вечный спаситель человечества – было в данной ситуации единственным выходом, защитой от надвигающейся смерти.

Прежде чем приготовиться к защите, Маше предстояло навести порядок в рядах обезумевших от страха девчат. Подруги метались по избушке от стены к стене в поисках спасения. Прыгая по нарам, толкая друг друга с разрывающими душу визгом и криком, девчата искали защиты. Вера сидела в дальнем углу зимовья и ничего не понимающими глазами в иступлении смотрела на прогибающиеся под тяжестью зверя доски потолка. Татьяна лежала на нарах вниз лицом и, закрыв голову руками, визжала поросычьим визгом. Аня в поисках выхода старалась открыть засов на двери. А бесчувственная Надя упала за каменную печь, и видны были лишь пятки ее босых ног.

– Тихо! Остановитесь! Замолчите! – пронзительным голосом закричала Маша, едва перебивая собственный страх. – Расступитесь, помогите Наде! – уже намного спокойнее проговорила Маша и встала на нары под тем местом, где вскоре должна была появиться медведица.

Треснула и отлетела в сторону не выдержавшая натиска зверя хрупкая доска. Победный рев медведицы ворвался в избушку. В запертых стенах зимовья, как в бочке, он казался глухим. И тут же в довольно широкую щель показалась лохматая голова озверевшей мамашы. Медведица замерла, рассматривая людей сверлящими глазами.

Можно было свободно, стоило только протянуть руку, дотронуться до большого черного носа, погладить бурую, прилизанную на плоском лбу шерсть и почесать за круглыми, настоорожившимися ушами. Маше захотелось убежать, исчезнуть, раствориться где-нибудь, чтобы не видеть этих маленьких глазок, не чувствовать смердящего дыхания медведицы, не слышать свистящего сапа нервно подергивающихся ноздрей.

Она на всю оставшуюся жизнь запомнила цвет пены, противно свисающей с губ зверя, налившиеся кровавой злобой глаза, охристый налет гнили на оскаленных клыках.

«Вот она какая... Неужели это конец?» – думала девушка в оцепенении. Даже при всех устрашающих рассказах бывалых людей, когда-либо встречавшихся с медведем, она и представить не могла, что косматая голова зверя может быть такой страшной.

Но внутренний голос вывел Машу из оцепенения: «Действуй!» Резко взмахнув рукой, она поднесла горящий факел под ноздри медведицы. Огонь мгновенно опалил рот, глаза, уши зверя. Шерсть хозяйки тайги затрещала и вспыхнула до груди.

Медведица отпрянула и, не удержав равновесия, упала на спину. По инерции, перевернувшись через голову, она покатила по крыше и глухо, будто наполненная смолой бочка, рухнула на землю. Душераздирающий рев, рык и вой покатались по ночной тайге. Но это уже не походило на угрозу. Это был голос поверженного зверя. От боли медведица каталась по земле, рвала ее когтями и сокрушала все, что попадалось на глаза.

Маша одержала свою вторую победу: она сумела защитить собственную жизнь и жизнь девчат. И пусть победа была пока невелика и незначительна, но это значило, что разум в сочтении с храбростью и смелостью намного превосходит слепую ярость и неукротимую мощь обезумевшего зверя.

Маленькое дитя тайги все еще находилось в стенах неприступного замка. Забившись в дальний угол, медвежонок звал мать, поэтому она не могла его бросить в беде и готовилась к новому нападению. Прошло немало времени, прежде чем схлынул поток возмущения. Постепенно стихали рев и шумное сопение, раздававшиеся то с одной, то с другой стороны избы, а затем послышались глухие, странные, содрогающие землю звуки.

Если бы видели девчата, какую огромную колодину перекатывала медведица! Кедровый кряж длиной более четырех метров и толщиной в полтора обхвата должен был разре-

шить проблему зверя. Сообразительная мамаша просто решила пустить круглое бревно под уклон, чтобы оно своей массой разрушило крепкие стены. Расчет был гениально прост: тяжесть сырого бревна, катившегося с пригорка, могла выбить дверь или даже угол зимовья.

Притащив кедровый кряж на край опушки, медведица толкнула его вниз. Стремительно набирая скорость, бревно покатилося, подпрыгивая на ухабах и кочках. Неизвестно, что могло произойти при столкновении кряжа с избушкой, если бы... Если бы не закон физики, известный всем. Окружность бревна в комле всегда имеет больший размер. Вполне понятно, что и покатится данное бревно не по прямой, как этого ожидала медведица, а поворотом, потому что больший диаметр кряжа будет всегда опережать диаметр меньшего размера.

Развернувшись на отрезке своего пятнадцатиметрового пути, бревно благополучно миновало человеческое строение. Медведица взревела от досады и негодования.

В зимовье, призывно попискивая, продолжал требовать помощи медвежонок, и это заставляло медведицу торопить события. В ее сознании жила предупреждающая мысль, что за ночью обязательно наступит рассвет. Медведица знала и видела: в дневное время суток человек обладает невероятными способностями. Он владеет таинством воспроизведения ужасающего грома и извержения стремительных молний. Хозяйка тайги боялась этого больше всего на свете. Инстинкт подсказывал, что таинство чаще происходит днем, и, значит, надо спешить.

Она вновь и вновь смотрела на избушку, но, не находя никакого решения, просто стонала от безысходности. Вдруг медведица вскочила и, угрожающе заревев, принялась драть землю когтями. Может быть, эти действия и натолкнули на мысль о вторжении в жилище человека из-под стены. Имея такие острые когти и половину жизни занимаясь «земляными работами», она легко справится с этой задачей. Было странно, что медведица не сразу додумалась до такого простого способа. Удовлетворенно «рюхнув», она неторопливой, уверенной походкой подошла к избушке.

Маша с тоской смотрела на пламя. Лучин мало, а до рассвета еще далеко. Если медведица предпримет очередную попытку атаки, придется поджечь сразу все...

Был бы топор – можно было натесать лучин из нар, но топор остался у костра. Можно настрогать щепки ножом, но он лежал вместе с продуктами на столе.

Маша прислушалась. Что-то происходило за стеной. От глухого, совершенно непонятного шума мелко подрагивало пламя, и нервно сотрясалась под ногами земля.

«О Господи! Медведица подкоп делает!» – мелькнула догадка.

– Вставайте! Быстрее! – закричала Маша девочкам. – Освободите нары!

Девушка бросилась разбирать нары там, где слышались шум и возня зверя. Прибитые доски поддавались плохо. Аня поспешила на помощь, к ней присоединились другие. Общими усилиями оторвали широкую доску и увидели медвежонка, торопливо делающего подкоп под стену навстречу медведице. Зверек, злобно фыркнув, испуганно оглянулся на пламя, гневно сверкнул глазами, чакнул зубами, предупреждая, что если кто дотронется, то сильно пожалеет.

– Что делать, Маша? Сейчас медведица докопает до нас... – едва слышно произнесла Вера, с надеждой взглянув на подругу.

Растерянно Маша смотрела на притихших подруг. Она и сама не знала, что делать. Теперь, когда детеныш совсем близко, медведица не остановится ни перед чем, возможно, и огонь не поможет осадить ярость хозяйки тайги. Было бы ружье – можно было ударить медведицу в голову, когда она просунет ее внутрь. Или топор... В подсознании всплыл случайный разговор и сказанная отцом фраза: «У медведя очень крепок лоб, но слаб затылок. Удара топора вполне достаточно, чтобы лишить зверя жизни».

«Опять же нужен топор! – лихорадочно соображала Маша. – Но топора нет. Нет ничего такого, чем можно нанести один-единственный и верный удар. Нет деревянного клина, нет острого камня... А каменная печь?»

Маша бросилась к каменке и, ухватившись за уложенные рядами валуны, стала их расшатывать. Вера быстро поняла ее замысел и поспешила на помощь. Дело заспорилось, под натиском четырех проворных рук камни зашевелились.

Наконец они нашли то, что искали: в предпоследнем ряду был замазан увесистый, средних размеров камень. Острым концом он напоминал грозное орудие каменного века. Маша взяла его в руки, приподняла над головой – по весу подходит.

«Только бы не промазать! Только бы ударить точно!» – как молитву заклинала она.

А медведица была уже близко. Показались грязные когти, гребущие глинистую землю. Медвежонок торопился копать проход навстречу. Не переставая жалобно уркать, он старался изо всех сил: зарылся в землю с головой и нагреб позади себя большую кучу земли. Не более чем через минуту он исчез из виду, провалился в землю, словно его и не было.

За стеной послышалось довольное урчание. Хозяйка тайги радостно, но степенно облизывала беснующегося медвежонка, который нетерпеливо суетился, подпрыгивал, стараясь дотнуться до груди матери и прижимаясь к ее животу. Она навсегда запомнит эту ночь, ночь ее позорного поражения. Теперь до конца своих дней медведица будет помнить, как ее безжалостно кусали острые языки пламени, и что творец огня – человек.

А это значило, что в ее поражении виновен только он. Затаив зло на двуногое существо, она будет ждать часа возможной расплаты. И когда наступит этот час, неизвестно, кто выйдет победителем...

Медведица уходила в тайгу, в свой родной дом, подальше от людей. Она была в своей вотчине и никого не боялась, с шумом ломилась через лес: «Это иду я – хозяйка тайги! Со мной шутки плохи!»

Когда все стихло, Маша разжала пальцы. С глухим стуком камень упал девушке под ноги. Тяжело вздохнув, она присела на краешек нар.

До зимовья оставалось не более сотни метров, и Андрею уже виделся дым таежного костра, слышался веселый девичий разговор, а чувствительный нос охотника предвкушал вкусный и сытный обед. Но Марат приостановил ход, предупредительно всхрипнул и нервно засучил ногами.

– Ты что, дружок, родного дома не узнаешь? – ласково потрепал коня по гриве Андрей.

То, что он увидел, несколько не удивило. Медвежьи следы встречались в тайге практически от самого Чибижека. Однако отпечатки медвежьих лап находились слишком близко от зимовья. Спешившись и приподняв ладонь правой руки, что для едущего позади него Алексея означало «Стой!», он снял перекинутое через голову ружье и, крадучись, пошел вперед.

Из-за густого курослепа-пихтача еще не было видно избы. Покатая крыша зимовья появлялась тогда, когда человек подходил к зимовью вплотную. Звуки и запахи, которые мерещились несколько минут назад, оказались самообманом, и это озадачило Андрея. А вскоре он увидел, что отпечатков медвежьих следов при приближении становилось больше: прежние человеческие и конские следы были затоптаны. Все говорило о том, что медведь побывал здесь этой темной ночью.

Андрей медленно, шаг за шагом шел по разгромленной стоянке. В том, что разбой был учинен именно медведем, сомнений не было. Следы когтей зверя были видны всюду, начиная со сметенного столика до прочных сеней, служивших человеку защитой от дождя и снега.

Было непонятно, как такое вообще могло произойти в весенне-летнее время, когда все звери (медведи в первую очередь) легко находят пищу, когда между человеком и природой действует негласный закон о мире?! Произошла трагедия! Да, именно трагедия, потому что расправу дикого зверя над безоружными и беззащитными людьми иначе назвать нельзя. Однако нужны были очень веские причины, чтобы нарушить этот закон. В такое время года их может быть только две: смертельное ранение зверя или опасность для жизни его детеныша.

Последняя мысль заставила взять себя в руки, сосредоточиться, быть бдительным и осторожным: затаившийся зверь мог броситься в любое мгновение. Не исключено, что сейчас он ждет последнего непростительного шага. Андрей взвел курки, маленькими и осторожными шагами продвигаясь вперед, он внимательно осматривал самые скрытые места. Глубокая яма, уходящая под стену избы, не оставляла сомнений – зверь там, внутри избышки. Может быть, именно в это мгновение он делает свое последнее страшное дело...

Ярость, злоба, гнев охватили сознание Андрея. Он взорвался, негодуя от такой дикой наглости, и был готов растерзать медведя голыми руками. Не скрывая своего присутствия, он подошел к стене избы, пнул ногой по бревенчатому накату, вызывая зверя на смертельный бой:

– Выходи!

За стеной раздались какие-то неясные звуки, а через дыру в крыше осторожно выбиралось что-то неопределенное, походившее на лешего. Андрею некогда было смотреть, кто это и что. Перед собой он видел живого врага. Вот только стоит совсем немного приспустить мушку, и смертельный выстрел расставит все по своим местам. В последний момент Андрей все же успел рассмотреть, что на него смотрит не звериное обличье, а белое, хотя и измазанное грязью, лицо человека.

– Андрей! Андрюшенька! Не стреляй, милый... – слезно воскликнула Вера и спрыгнула в его объятия.

За ней, подталкивая друг друга, будто стайка впервые выпорхнувших из гнезда ласточек, вырвались на волю остальные девчата. Размазывая по грязным щекам слезы счастья, они обнимали и целовали его, как будто он спас их от смерти. Парню стоило больших усилий, чтобы удержаться на ногах и не упасть на землю от повисших на нем девчат. Все еще пребывая в неведении, едва уворачиваясь от бесчисленных поцелуев и пытаясь остепенить девчат, он приговаривал:

– Ну, будет! Перестаньте! Хватит! Что случилось?

Выкатил в изумлении глаза и подъехавший Леха. Поддавшись всеобщему настроению, он расчувствовался. Лапая девчат до хруста в суставах, он блаженно ревел маралом:

– Что же вы, милые мои! Не плачьте, я же с вами! Я вас всех спасу и защиту...

Глава 6

В чуткое сознание спящего Андрея вкрался негромкий подозрительный шорох. Не поднимая головы, он приоткрыл глаза, пытаясь рассмотреть неожиданный источник шума. Едва различимая на фоне близстоящих кустарников насторожилась небольшая темная тень. Две блестящие бусинки пронизательных глаз смотрели на него. Угловатые ушки и гибкое, пружинистое тело – знакомый силуэт какого-то животного. Для полной ясности Андрею пришлось открыть глаза.

Сгруппировавшись, зверь стремительно отскочил в сторону и, изготовившись к побегу, вновь замер. Теперь Андрей без особого труда узнал в гибкой и проворной тени жителя сибирской тайги – соболя. Насторожившийся аскыр, определяя, что могло преградить ему дорогу, смотрел на человека.

Андрей улыбнулся. Теперь он отчетливо видел наполовину облезшую шкуру, нервно подрагивающий хвост и бездвижную мышь, зажатую острыми клыками соболя. По размерам и розоватым сосочкам можно было судить о настоящих проблемах заботливой мамыши, возвращающейся к своим детям с удачной охоты.

Увидев, что за ним наблюдают, соболюшка резко уркнул, привстал столбиком, закрутил головой из стороны в сторону, нервно засучил передними лапками. По всей вероятности, ему было очень интересно узнать, что такое большое и продолговатое лежит под огромным кедром, но беспокойство за оставленных без присмотра соболят звало к своему дуплу. Ему надо было спешить, а лежащий человек мешал. Как же поступить? Перескочить через человека, как через колодину, или обежать стороной? Второе решение показалось зверьку намного безопаснее, и, издав еще несколько коротких мяукающих звуков, юркая мамыша молнией исчезла в густом подлеске. Когда утихли последние шорохи от лапок убегающего соболюшки, Андрей закрыл глаза, но спать расхотелось. Неожиданная встреча и утренняя прохлада разогнали сон.

Он приподнялся на локте, осмотрелся. От промозглого ночного дождя остались только крупные слезы, которые были густо разбросаны по молодой траве, по ветвям обвисших пихт, кедров и кустарников. Густым молоком медленно плыл под гору туман. Он просачивался, растворялся в тайге и, как неизменный, никогда не обманывающий барометр, вел за собой ласковые лучи солнца. Приветствуя наступающее утро, пробовало свои голоса птичье братство.

«Сегодня будет отличная погода!» – подумал Андрей, выскочив из теплого собачьего спальника. От утренней свежести по телу прошел легкий озноб, и Андрей поспешил развести костер в надежде выпить обжигающую кружку смородинового кипятка. В умелых руках охотника весело пыхнули заблаговременно приготовленные сухие кедровые щепки. Огонь с живостью охватил дрова и горячими языками обжег закопченное днище котелка.

Услышав шум в стане людей, с черемшаной поляны призывно заржал Марат, проверяя местонахождение своего хозяина. Андрей негромко ответил, протяжным свистом подзывая своего любимца. На зов из глубины тумана послышался едва различимый шум, быстро перерастающий в глухие шаги. Четвероногий друг спешил к человеку. Не прошло и минуты, как из непроглядного молока большим черным пятном, напоминающим огромного сохатого, спешащего на зов сохатухи, выплыл черногривый жеребец.

– Как прошла ночь? Отдохнул хорошо? Комары не кусали? – спрашивал юноша Марата, ласково поглаживая по лоснившейся гриве. На дружелюбную речь конь ответил шумным храпом, трепетным поцелуем бархатных губ и настойчивым требованием склоненной головы.

– Ах ты, попрошайка! Как тебе не стыдно? Зачем в карман лезешь? Хлеба захотел? Знаю, знаю, что тебе надо! – приговаривал Андрей с улыбкой, поглаживая преданного друга. Не испытывая терпения Марата, он полез в карман и вытащил лакомство. С выражением истинного удовольствия конь стал жевать подсоленный хлеб.

Внезапно он приостановил свое ответственное занятие и, повернув голову, посмотрел за спину Андрея. Юноша резко повернулся. Улыбающаяся Маша тянула руку с куском подсолненного хлеба.

Умными глазами Марат вопросительно посмотрел на Андрея: «Брать или нет?»

– Возьми! – с улыбкой разрешил Андрей и нежно потрепал жеребца по щеке.

Конь потянулся вперед, вдохнул аромат предлагаемого лакомства, и кусочек хлеба исчез в его губах.

– Почему так рано встала? – удивился Андрей.

– А почему не спишь ты? – выстрелила она глазами и, смущаясь его взгляда, покраснела.

– Я? Не знаю... Вот чай кипячу... Что-то не спится... – не находя слов, пробормотал Андрей.

– Вот и мне не спится. Не хочу. Не могу спать... Такое хорошее утро! – подражая ему, ответила Маша и заговорила о Марате: – Какие у него губы мягкие. Как бархат... И совсем не страшные... А он не кусается?

– Ты что, лошадей боишься?

Маша неопределенно пожала плечами и покраснела еще больше. Он немало удивился:

– И никогда не сидела на лошади?

Маша отрицательно покачала головой и, смущаясь, задержала взгляд на лохматой ветке кедра, нависшей над головой Марата.

– Сейчас мы это дело исправим, – с улыбкой проговорил Андрей и, уже обращаясь к коню, добавил: – Ну что, дружок? Прокатим принцессу? Надо отрабатывать угощение!

С этими словами он снял с сучка кедра уздечку и накинул ее на голову Марата. Не успела девушка охнуть, как сильные и крепкие руки подхватили ее, а затем легко и бережно посадили на широкую спину коня. Тут же, будто по велению волшебной палочки, в руках девушки оказался повод. Боясь упасть, Маша вцепилась в него. Увлекая за собой Марата с наездницей, Андрей пошел вперед.

Для Маши это было незабываемое событие. От волнения захватило дух. Казалось, что она плывет или даже летит. Мокрые деревья и кустарники расступались, склоняли головы, пропуская идущих. Влажная трава стелилась под ноги, встречный ветерок кружил девушке голову. Размеренное покачивание идущего коня скрывало учащенный ритм трепещущего сердца, сбило восторженное, рвущееся дыхание.

Трудно передать ощущения человека, впервые садящегося на лошадь. Он никогда не забудет мгновения радости и неповторимого блаженства. Маша улыбалась окружающему миру, утренней свежести, рассеивающемуся туману, лучам солнца, ярким жаркам на таежной поляне. Андрей будто прочитал ее мысли, отпустил уздечку и стал торопливо рвать благоухающие бутоны.

Маше хотелось, чтобы поездка не кончалась, и Андрей не мог не заметить этого. Он обнадежил обещанием:

– В поселке будешь кататься в седле!

Она благодарно кивнула в ответ и искоса посмотрела на большой букет жарков в его руке. Не зная, как приземлиться, Маша осматривалась вокруг. Андрей принял ее в свои объятия и замкнул за ее спиной руки, не желая отпускать драгоценную ношу.

От неожиданности девушка замерла. Она видела алый румянец на его щеках, чувствовала затаенное дыхание и учащенное биение его сердца.

Его глаза были так близко, что она видела каждую ресничку, все выгоревшие на солнце волоски на бровях. Недолго помедлив, Андрей дотронулся губами до ее губ, задержав их в продолжительном поцелуе.

– Отпусти! Уронишь! Упадём! – шептала она, а сама смеялась непрерывным детским смехом.

Но Андрей не отпускал. Он улыбался, обдавая ее лицо горячим дыханием. Недолго осмотревшись, он направился к опушке леса под шатер из зеленых веток могучего и разлапистого кедра.

Старый кедр встретил их гордым величием, таинственной свежестью, терпким запахом прозрачной смолы, выступившей из обломанного каким-то таежным зверем сучка. Отжившие положенный срок покрасневшие иглы, опавшие под ноги векового гиганта, настелили в корнях дерева мягкий покров. Природный ковер предлагал влюбленным блаженный отдых и защиту от завистливого и любопытного взгляда.

Андрей бережно опустил Машу на лесное покрывало и присел рядом. Он посмотрел в ее глаза, осторожно взял в свои ладони девичье лицо, обжег поцелуем трепетные губы. Андрей молчал, но сейчас и не нужны были лишние слова – сейчас говорили чувства.

Маша полностью предалась этому пламени. Она доверилась Андрею и захватившей ее любви. Преодолев границы скованности, девушка отвечала на ласки трепетными порывами нежности и чувственными поцелуями...

Луч солнца пробился сквозь толщу плотного тумана, упал на девичье лицо.

– Что же теперь будет?.. – едва слышно прошептала она. Андрей обнял ее, прижал к своей груди:

– О чем ты, милая? Все у нас с тобой будет хорошо. Теперь мы с тобой – одно целое... Ты – моя, а я – твой. Навсегда...

Зародившийся день разогнал туман. Торжественно-теплые лучи солнца согрели тайгу от мрачного ночного сна. Лесной мир заговорил разноголосицей птах, порхающих в поисках пищи, зашуршал тихой поступью осторожных зверюшек, снующих в поисках добычи, дрогнул ломающимся эхом от призывного крика бездомной кукушки.

Андрей позабыл про все на свете и ничего не видел, кроме любимых глаз и губ. Мог ли он в такой момент думать о чем-то или подозревать, что из-за непроглядных кустов таволжника за ними наблюдает пара завистливых и ненавидящих глаз – глаз Татьяны.

Глава 7

Весть о случившемся на Пыхтуне облетела Чибижек. Несколько дней старательский поселок обсуждал героический поступок обыкновенной, всем знакомой Маши, которая спасла от разъяренной медведицы своих подруг.

А Татьяна впервые в жизни узнала, что такое позор и унижение: она лишилась уважения, признания старшинства в девичьем кругу. Но самая главная потеря – Андрей. Его увели, украли, отобрали!.. Как какого-то теленка, как... И кто? Та, кого она считала своей подружкой! Та, кого она боялась меньше всего, на кого она никогда бы не подумала! Какая-то незаметная, невзрачная худышка-коротышка, на которую не посмотрит ни одна дворовая собака... Ах, Машенька! Ах, сучка! Нет! Она этого так не оставит! Она отомстит сопернице и вернет Андрея, чего бы ей это ни стоило! Она уже придумала, что надо сделать. Но... Прежде всего надо помириться с Машей, а уж потом...

Все пересуды и укоры в том, что она стала виновницей случившегося, для Татьяны ничего не значили. Она не считала себя виноватой, поэтому надменно и с нескрываемым презрением смотрела на обвиняющих. По мнению девушки, были виноваты все: вовремя не остановили ее и даже способствовали «приручению» медвежонка.

Первое время, стараясь не показываться людям на глаза, ожидая умиротворения возмущенных односельчан, она целую неделю не выходила из дома. Вечером, забравшись на чердак, наблюдала за проходившей молодежью через щель крыши. А когда в поле зрения попадались счастливые Андрей и Маша, скрипела зубами от злобы и ненависти.

Помириться с Машей Татьяне не составило особого труда. На предложение подруги детства незлопамятная девушка откликнулась сразу: она не видела причин для ссоры. Можно ли винить себя за то, что юноша полюбил именно ее, Машу, а не Татьяну? И в чем ее грех, если Андрей первый сказал об этом? А непростительный случай с медведицей... Что же, ошибки бывают у всех!

С возобновлением девичьей дружбы все встало на свои места: девушки были вместе, делали общую работу, помогали друг другу. Только вот поведение Татьяны резко изменилось. Появилась плохо скрываемая, настораживающая любезность и неестественное заискивание. Маша заметила эту перемену, однако не придавала особого значения.

Андрей не удивился, увидев Машу и Таню вместе, – в жизни бывает все. Самые лучшие друзья ссорятся и вновь мирятся. Что в этом такого? Жизнь есть жизнь. В ней нет идеальных характеров, и люди не всегда приходят к единому мнению. И в том, что Маша и Таня вновь вместе, нет ничего предосудительного. Лишь бы Татьяна не мешала его отношениям с Машей, да Андрей и не допустит этого. Впрочем, у нее нет для этого никаких поводов. Андрею кажется, что Татьяна даже способствует их сближению и всеми силами помогает. Она никогда не задает лишних вопросов, в какие-то моменты служит посредником, а в вечерние часы молча уходит, оставляя влюбленных наедине.

Вскоре страсти вокруг Татьяны улеглись, и уже никто не вспоминал о прошлом с укором и осуждением. Что было, то было. А выводы из случившегося виновница должна сделать сама. Татьяна вернулась в «свою стаю», молодежь приняла ее сдержанно и настороженно.

И только Леха продолжал высказывать свое мнение, давая точную оценку поведению Татьяны и называя вещи своими именами. В один из вечеров, увидев важное шествие Татьяны в кругу подруг, он немало удивился:

– Что, крыса, вылезла из своей норы?

Татьяна покраснела от негодования, но на драку не решилась. Она отложила час расплаты на более удобное и подходящее для нее время. Словесная защита все-таки последовала:

– Вытри сопли! Следи за собой и за своей Анечкой! А то уведут, пока ты пузыри пускаешь! Да не забывай по утрам рожу мыть, а то Анечка не поцелует...

В последней фразе была истинная правда. Леха ухаживал за девушкой и стремился добиться поцелуя, потому что «тайно» был в нее влюблен. Конечно же об этом он никому не говорил, если не считать Андрея и еще нескольких друзей, которые прониклись уважением к Лехиной тайне. Вечером о его любви уже знала вся молодежь поселка, поэтому настойчивые «медвежьи ухаживания» парня вызывали у окружающих шутки и смех.

Стрела Амура пробила Лехину грудь в тот день, когда произошла история с медведицей. Наконец-то оказалась востребованной его «бычья» сила, и девчата, перепуганные насмерть, ни на шаг не отходили от своего мужественного защитника. Даже готовясь ко сну, они уговорили его лечь на нары в центре, чтобы, расположившись вокруг него, быть в безопасности.

Леха чувствовал себя глухарем, к которому после долгой зимы слетелись рыжеперые капалухи. Ревниво вслушиваясь в шорохи за стенами избышки, он гордо оглядывал отдыхающих девчат, охраняя их сон и покой. В то время ему казалось, что он может разорвать медведицу пополам, если, не дай бог, она полезет в зимовье. Но вершиной блаженства оказался момент, когда голова спящей Анечки совершенно случайно оказалась у него на плече.

Чувствуя неповторимое тепло девичьего тела, вслушиваясь в спокойное, размеренное дыхание, вдыхая запах растрепавшихся волос, Леха едва не сошел с ума от счастья. Впервые в своей жизни он был так близко к девушке!

Его охватило чувство нежности к Анечке, и мгновенно она заняла самое главное место в его жизни. В тот момент Леха мог совершить для нее самый немыслимый героический поступок: он был готов защитить Анечку не только от медведицы, но и от самого дьявола! Поймав себя на этой мысли, Леха ужаснулся неоспоримому факту – он влюбился. Влюбился! Вот тебе на! А ведь всегда говорил, что он и девушки – понятия несовместимые. Это ничуть не смутило Леху. Он ощутил себя самым счастливым человеком на свете! Теперь он понял: его жизнь обрела новый смысл!

Всю ночь он провел без сна, охраняя покой своей Анечки. Его сердце напоминало сердце разъяренного быка, а кипевшая кровь носилась по разгоряченному телу с быстротой горного ручья, спешившего вниз по гладким обкатанным камням. Стараясь не разбудить девушку, он боялся изменить положение тела. Пересиливая себя, Леха не замечал отекавших от однообразного положения рук, ног, спины. Лишь под утро, когда в разбитом оконце забрезжил рассвет, он осмелился дотронуться ладонью до волос Анечки, за что тут же получил звонкую пощечину:

– Ах ты... Приставать вздумал?..

Но счастливый Леха не обиделся. Он не заметил рукоприкладства девушки. В ответ на удар ладошкой он осветился улыбкой, а губы еле слышно прошептали:

– Первый поцелуй!..

И вот теперь, добиваясь от Анечки настоящего первого поцелуя, Леха изо всех сил старался понравиться девушке. Он стал умываться по утрам, может быть, впервые в жизни расчесывал волосы. Стараясь быть на высоте, Леха самостоятельно стирал затасканные штаны и рубаху, и, наконец, произошло самое впечатляющее событие – бросил курить! Этого хотела Анечка. Пообещав ему свой заветный поцелуй, она намекнула:

– Как можно поцеловать табакерку?..

Леха все понял, поэтому отказался от вредной привычки. Однако сила притяжения к зелью оказалась сильнее его: после одного дня воздержания он старался курить втихаря и только до обеда. Ближе к вечеру, подготавливаясь к «ответственному мероприятию», изнывал от соблазна, забивал рот терпкими листочками смородины и дикорастущей мяты, жевал конскую травку.

Но Аннушка была непреклонна. Хитро улыбаясь, она не давалась в руки медведю, но и не отвергала его, кормила завтраками и обещаниями:

– Не сегодня, Лешенька. Потом... Ну, может быть, завтра или когда-нибудь!

Леха вывел собственную формулу успеха на любовном фронте – путь к сердцу возлюбленной лежит через ее хорошее настроение. Это открытие стоило ему нескольких бессонных ночей. Леха рассуждал: «Если Анечка будет весела, то до благосклонности – один шаг!» У девушки был веселый и легкий нрав, она смеялась над любой мелочью. Лехины забавы, шутки и баловство удавались на славу: он то старался кого-то копировать, то, шутливо балуясь своей удалью и силой, легко перекладывал в соседний двор бревна, приготовленные кем-нибудь на дрова. Но пиком его концертной активности была сценка «Ночной петушок», исполняемая с азартом и надлежащим артистизмом.

Среди молодежи конца тридцатых годов подобная злостная шутка была широко распространена. Глубокой ночью шалун подкрадывался к окну преспокойно спавших жителей и громко кричал петухом. На того, кто жил по природным часам – вставал и ложился с зарей, – подобный сигнал действовал безотказно. За окнами сразу же загоралась керосинка, и обманутые люди начинали новый трудовой день. Восторженная молодежь смеялась от души.

Особенно всех развеселила эта шутка, когда разыгрывали зловредного старовера деда Мирона, проживавшего на окраине поселка среди нескольких семей родственного клана. Соблюдая неукоснительные требования древних законов, по которым надлежит жить всему человечеству, дед Мирон был строг к себе и держал в кулаке всю свою большую семью. Как и все члены общины, он не пил, не курил, вставал с первыми лучами солнца. Как и многие люди его возраста, был он привередлив и необычайно сварлив. От грозного деда страдали все: и семья, и родня, и окружающие люди. Особенно доставалось поселковой молодежи. Деда возмущали «полуношное» хождение по улицам, громкий смех и отсутствие платочков на головах девчат. У староверов считалось непростительным грехом открывать напоказ свои косы. Дед Мирон, завидев прогуливающих девчат, плевался и зло шипел:

– У-у-у, простоволосые! Комсомольцы проклятые! Креста на вас нет! Бог накажет!..

Защищая своих подруг, парни мстили деду. Одним из способов «вендетты» было петушиное пение, и главную роль здесь исполнял Леха.

Подкравшись под окно, он громко и заливисто кукарекал. В ответ на это в избе незамедлительно происходила надлежащая реакция. С шумным кряхтением дед Мирон слезал с печи, шлепал по полу босыми ногами, проходил к столу и, зажигая керосинку, баритонил:

– Бабка, вставай! Слышишь, петух поет? Пора корову доить!

Бабка вставала и будила невестку, которая топила печь и разогревала завтрак. Невестка будила мужа, он, нехотя вставая с теплой кровати, недовольно ворчал на темноту за окном. Бабка пинала спящую корову, та не понимала, чего от нее требуют в ночное время. Сам Мирон, теряясь в догадках о неопределенном времени суток и не изменяя своей привычке ходить на зорьке за ключевой водой, крался под горку к шумному ручью:

– Что-то темно сегодня... Странно! Все спят, и огней не видно... И собаки не лают!..

Но собаки залаяли на всю округу от неожиданного грохота покотившихся под горку ведер, выпущенных из рук деда Мирона. Дед летел вслед за ведрами, а спрятавшаяся за забором молодежь едва сдерживала смех, торжествуя победу. Леха спешил убрать с тропинки чурку.

Потом в староверческом доме начиналась перепалка: бабка ругала Мирона за то, что он, старый хрыч, не отличает ночи от утра. До рассвета оставалось еще не мене трех-четырёх часов.

Эта шутка так понравилась Анечке, что Леха «пустил петушка» деду Мирону и в следующую ночь. Полученный эффект превзошел все ожидания. Невыспавшаяся бабка огрела своего возлюбленного ухватом по сутулой хребтине. Сам же Мирон рано поутру обежал весь староверческий клан, задавая один-единственный вопрос, который заставлял задуматься не только его:

– У вас по ночам петухи под окнами кричат?..

Но ни у кого петухи по ночам не голосили. Озадаченный дед терялся в догадках еще больше, набожно крестился и, выпучив в испуге глаза, шептал посиневшими губами:

– Не иначе как знамение посетило!..

Леха был на вершине блаженства. Он уже несколько дней ходил в героях. Но самым важным для него было настроение его возлюбленной, которая вместе с подругами от души смеялась над проделками Алексея и не переставала одаривать многообещающими взглядами.

Третья ночь была решающей: Анечка пообещала одарить Леху поцелуем. Лишь бы только дед Мирон откинул что-нибудь посмешнее.

Андрей пророчески предупреждал зарвавшегося друга:

– Леха! Хватит, больше не стоит этого делать! Три раза в одно место камень не падает!

Но где там! Леха, ослепленный любовью и подбадриваемый толпой, гордо и вызывающе шел на очередной подвиг. Хрипло, протяжно и громко закукарекал он всем знакомую песенку.

Ответом была тишина. По всей вероятности, заспавшийся дедок не услышал залихватского голоса и не проснулся с первого раза. Подождав какое-то время, Леха повторил неудавшуюся попытку, прибавив своему баритону большее усилие. Но и после второго раза тишина не нарушилась, как будто за забором деда никого не было. Алексей помнил уговор: ему предстоит познакомиться с территорией деда с более близкого расстояния. Он осторожно, но грузно перевалился через забор и замер, прислушиваясь, не проснулся ли на своей печи вредный дедок.

Дед Мирон не спал и слышал все! И не только слышал, но в свете месяца прекрасно видел крадущегося парня. И не только видел, но уже выцеливал из косозатворой фроловки тридцать второго калибра в Лехин зад, желая излить накопившуюся обиду двойной порцией крупной соли.

Леха не знал, что сегодня утром дед отрубил петуху голову, сварил его в пятилитровом чугушке и, насытившись безвинной птицей, засел в дозор в старой собачьей будке.

Парень, затаптывая босыми ногами уснувшие на ночь георгины, крался по цветочной клумбе и не подозревал о грозящем возмездии. Благополучно подобравшись к завалинке, под окна, где предположительно спал дед Мирон, Леха похлопал ладошками по карманам штанов и, пытаясь изобразить только что проснувшегося петуха, набрал в легкие воздуха. Но спеть заветную песенку не успел: его настиг хлесткий заряд.

Первые секунды Леха был полностью парализован и походил больше на застывшую сушину, чем на человека, у которого в заднице находилось тридцать граммов соли. Он пытался осмыслить происходящее: «Что бы это могло быть?» Казалось, что его огрели кожаным бичом, в конец которого была вплетена свинцовая картечина, разорвавшая ягодицы на портянки. Но лязг звонко щелкающего затвора Леха услышал отчетливо. Да и грохот выстрела не оставлял никаких сомнений. В тот же миг он представил себе, как старый хрыч своей костлявой, но проворной рукой досылает в патронник очередной патрон с зарядом соли. От этой мысли на лице несчастного парня выступил холодный пот...

Времени на раздумья не было, надо было срочно убегать. Схватившись за пылающие ягодицы, Леха, окончательно затаптывая корни обреченных георгинов, бросился к забору. Первые три метра Алексей преодолел благополучно. Но далее на дороге, будто часовой на посту, встал дощатый забор, на котором он минуту назад едва не оставил штаны. Прыгать в высоту и бегать с препятствиями Леха не умел. Да и высокая скорость не позволила вовремя сориентироваться. Парню ничего не оставалось, как брать тараном.

Почувствовал ли Алексей удар в грудь, воспрепятствовавший его стремительному галопу? Неизвестно. А вот забор – почувствовал. Он отлетел на несколько метров вперед, словно бежал не Леха, а трехгодовалый жеребец, впервые поставленный под седло.

Пока дед Мирон выбирался из собачьей конуры в намерении схватить «петушка» за кудри, ночной гость уже исчез. В поле зрения опешившего деда уже никого и ничего не

было. Ничего, кроме восьми метров забора, валяющегося «железной дорогой»... А Леха чесал ногами дорожную пыль, на огромной скорости преодолевая каменистые метры поселковой улицы.

Последующие поиски подстреленного товарища не дали положительного результата. На голос Анечки и Андрея Леха не отвечал. Ему было некогда: он всю ночь просидел на поросячем корыте, вымачивая место поражения. Чтобы его не нашли, он предусмотрительно укрылся в центре огорода и, выглядывая из картофельной ботвы на встревоженную Анечку, удрученно повторял:

– Вот это поцелуйчик!

– Что с ним случилось? – спросила запыхавшаяся Маша, когда они остановились на краю деревни.

– Подстрелили «петушка». Но нет ничего страшного. Через несколько дней рассосется, – ответил с усмешкой Андрей и наклонился к лицу девушки для поцелуя. Она не противилась.

– Ты сводишь меня с ума... А зачем я тебе безумная? – шутила она, вглядываясь ему в глаза.

– Ты и безумная будешь прекрасной! Для меня ты лучше всех! Ты нужна мне как воздух! Как солнце! Как вода! Как...

Андрей не договорил и вновь коснулся губами девичьих губ.

– И что же дальше? С чем еще ты можешь меня сравнить? – кокетливо пыталась она.

– С чистейшим родником! С теплым, свежим ветерком! С белым пушистым снегом! С переновкой!

– С переновкой? А что это такое?

– Это новое снежное покрывало, покрывающее землю осенью и зимой.

– Брр-р! – передернула Маша плечами. – Такое сравнение не хочу!

– Почему?

– Потому что не люблю зиму. Люблю лето! Летом хорошо – все цветет, благоухает. Летом... мы с тобой вместе! – мечтательно отвечала девушка, увлекая Андрея за собой в сторону своего дома.

– Но теперь мы всегда будем вместе: и летом, и зимой! Всю жизнь! – сказал Андрей.

– А как это, всю жизнь? – стараясь показаться удивленной, как бы не понимая смысла сказанного, прошептала Маша.

– Потом скажу.

– Потом? Это когда? – настаивала она.

– Когда-нибудь, через некоторое время. Пусть это будет для тебя неожиданностью, подарком!

– Подарком – это хорошо. У меня скоро будет день рождения! – хитро улыбнулась Маша.

– Когда?

– Скоро. Через две недели.

У своего дома Маша проворно выскользнула игривым веретеном из крепких объятий Андрея.

– Ты что, Машенька? – недоуменно прошептал Андрей и вновь протянул навстречу ей свои руки.

– Так, просто... Остынь немного... – с отрезвляющей насмешкой в голосе ответила девушка и торопливо спряталась за калитку своего дома.

– Боишься меня, милая? Но... Но ведь у нас с тобой уже все было... – шептал он, стараясь открыть калитку.

– Да, боюсь, – как-то особенно тихо и подавленно ответила Маша из глубины двора. – А вдруг что-нибудь случится, если уже... Ты осенью уйдешь в армию, а что буду делать я?

Не дожидаясь ответа, девушка круто развернулась и убежала в дом.

Андрей долго стоял за воротами, ожидая возвращения Маши, но в тот вечер девушка больше не вышла.

Теплая летняя ночь дышала свежестью. Шум реки перемешивался с шумом листвы, трепещущей на деревьях. Бледный рожок зародившегося месяца повернул острые рога на ведро, предвещая хорошую погоду. Мириады звезд, рассыпанных в бесконечности неизвестной щедрой рукой, мерцали и подмигивали идущему по ночной улице Андрею, как старому другу. Негромкая поступь его шагов не нарушала покоя спящего поселка, как не препятствовала его «отсутствию» в реальном мире. Он был далеко от звезд, не слышал бесшумных вздохов благоухающей земли.

Перед его глазами стояло милое лицо любимой Машеньки и ее глаза, на которых блестели искры слезинок. Он вспоминал ее слова, полные тревоги.

Андрей знал, что все беспокойства ее напрасны. Знал, что он и Маша – одно целое. Верил, что Маша не предаст его, как и он ее. И если их чувства так крепки и верны, то остается всего лишь поставить точку. Он решил раз и навсегда: они теперь будут неразлучны.

«Две недели... День рождения... – вновь и вновь повторял Андрей. – В этот день я попрошу Машеньку выйти за меня... А потом – как жизнь рассудит».

Глава 8

С запада потянуло теплым влажным ветром. От его резких порывов закачались и зашумели деревья, заметался рвущийся шум реки, зимней поземкой закружилась по дороге пыль. Сгустившиеся над Безымянкой грозовые тучи закрыли вечернее небо.

Стараясь как можно быстрее скрыться от надвигающейся непогоды, хозяйки резкими окриками разгоняли по пригонам вернувшихся с дневного выгула коров. Попрятавшись по конурам и укромным местам, умолкли собаки. В старательских домах хлопали двери и щелкали замочки окон. Поселковая улица быстро опустела и притихла, как в ночное время. И только ласточки черными молниями все еще метались низко над землей.

– Может, вернемся? Смотрите, сейчас гроза будет. Вымокнем, да и поздно, ночь наступает, – сказала Маша, искоса посмотрев на неторопливо вышагивающих подруг.

– Да ты что?! Уже недалеко осталось. Нас ждут, – торопливо ответила Татьяна.

– Но только недолго... Полчасика – и домой. Мне родители разрешили только до одиннадцати, – с робостью в голосе предупредила Аня и посмотрела на Машу.

– Как скажешь, так и вернемся. Только больше не плачь. Сама пошла, и нечего здесь ныть, – нахмурила брови Татьяна и ускорила шаг.

– А удобно ли? Скажут, девки сами в гости пришли! А что люди подумают? Плохо это все... – продолжала Аня, поглядывая на Машу.

– Ох и надоела ты мне! Не хочешь – не ходи! – сказала Таня, но, видя, что подруги продолжают идти, стала подбадривать девчат. – Не переживайте, все будет нормально. Посидим часок – и домой. Был бы Федя один, я бы вас никогда не позвала. А получается, что их трое, а я одна. Как это будет выглядеть? Некрасиво. А так их трое и нас трое, – хитро улыбнулась и подмигнула подругам Татьяна.

– Но только пусть ни на что не надеются! Мы идем только из-за тебя! – строго предупредила Маша.

– Да что ты! Они парни культурные, городские, интеллигентные, приветливые! Ничего лишнего! Просто посидите вместе с нами и все!

– А у кого день рождения? – поинтересовалась Аня.

– У Сергея! Ох и красивый парень! Стройный, высокий, черные кудри, с усами...

– А что, наши чибижеские парни хуже? – спросила Аня.

– Это ты про кого говоришь? Может быть, Леха лучше всех? Кроме него ты в своей жизни никого не видела! И я тебе скажу, что наши и городские – большая разница. Огонь и вода!

Маша смотрела на покрасневшую Аню, которая прикусила язык и растерялась, не находя слов в защиту того, кто казался ей настоящим, пусть немного грубоватым и неотесанным. Конечно, у Татьяны с Лехой старые счеты, это было понятно всем. Но зачем равнять всех парней? Это Маше было непонятно. Татьяна продолжала:

– Вот скажи, что может твой Леха? Он и не знает, как связать пару ласковых слов. Он не знает, как и с какой буквы начинается слово пожалуйста!.. Как верблюд над Честноковским проспектом. Только и знает, что курить да плевать при всех!

Аня и Маша посмотрели направо, где над поселковой дорогой на высокой горе располагалась скала с таким названием. В действительности природное изваяние чем-то напоминало издали двугорбого верблюда, но никак не походило на Алексея. Однако это сравнение им показалось забавным, на что они отреагировали дружным смехом.

Завидев барак для приезжих, они взяли друг друга под ручки и пошли медленно, степенно, как гусыни, возвращающиеся от реки к дому. Казалось, что каждая из них хотела сказать: «Посмотрите, какие мы красивые и недоступные! Нам никто не нужен, и здесь мы оказались совершенно случайно!»

Однако каждая косым взглядом наблюдала за окнами, в нетерпении желая поскорее увидеть тех, ради кого они пришли этим вечером.

Их уже ждали. Из глубины барака за ними наблюдали три пары оценивающих глаз. Как только троица поравнялась с покосившимися воротами, дверь барака противно скрипнула, и на крыльце появился чернявый парень. Обворожительно улыбаясь, он приветливо воскликнул:

– Красавицы! Далеко ли путь держите?

– Гуляем от скуки, делать нечего, – как бы нехотя ответила Татьяна.

– Может быть, заглянете на огонек, составите нам компанию? Да, кстати! У нашего Сергея сегодня день рождения! – соблюдая приличия и не упоминая о тайной договоренности, ласкал девиц ушки парень.

После приглашения девчата зашептались между собой, а Федя уже настойчиво подталкивал их к крылечку и, не переставая рассыпаться в любезностях, незаметно для всех ущипнул Татьяну за бок.

Перед девчатами услужливо открылась входная дверь, и подруги очутились в полусумрачном помещении, напоминающем мамево побоище.

Перед глазами предстала неприглядная картина быта временных жителей: давно не видевший веника и тряпки дощатый пол, закопченные стены и печь, грязный стол, разбросанное на нарах постельное белье. Маше показалось, что она попала в какой-то погреб, где царствовали крысы. Окружающая обстановка была настолько мрачной и неприветливой, что девушке тут же захотелось убежать на улицу, на свежий воздух и не заходить в этот балаган никогда. Но пропустивший их невысокий щербатый парень уже закрыл за ними дверь и, улынувшись кривой улыбкой, протянул вперед руку:

– Добрый вечер, милые дамы! Пожалуйста, проходите, присаживайтесь к столу!

Последнее приглашение показалось Маше странным и каким-то неестественно торопливым – ни знакомства, ни приветствий, ни праздных пожеланий. Создавалось ощущение, что это не вечер в честь именинника в кругу приглашенных девчат, а очередная пьянка собутыльников. Краюха ржаного хлеба, разломанного руками, раскрытая банка тушенки да несколько молодых огурцов, сорванных втихаря с парниковой грядки у глуховатой бабки Маланьи, – вот и весь праздничный стол.

– Вы уж извините, мы только позавчера приехали и не успели обжиться. Сами понимаете – птицы перелетные, – суетился щербатый, рассаживая девчат на кедровые чурки, служившие стульями, и, смеясь неприятным, отталкивающим смехом, первым протянул руку для знакомства: «Ваня!»

«Что же ты, Ваня, хоть бы для приличия со стола грязь убрал! Да и руки надо помыть», – подумала Маша и, коротко кивнув головой на приветствие, резким жестом разогнала рой мух на столе.

Винючник торжества представлялся в последнюю очередь. Он приподнялся с нар и, поправив на себе модную косоворотку, обворожительно улыбнулся белозубой улыбкой:

– Для меня ваше присутствие – настоящий праздник! Думаю, что этот вечер запомнится нам всем. Сергей!

– Извините, Сергей, что мы без подарков. Но я думаю, что мы это исправим, – сказала Аня и посмотрела на подруг.

– Ну что вы! Какой может быть подарок! Самый прекрасный подарок – это вы! А тем более твоя прелестная улыбка... – подмигнул ей парень.

Маше речь Сергея показалась странной и настораживающей, однако Аня была в восторге.

Иван торопливо нырнул под стол и торжественно вытащил початую бутылку спирта:

– За день рождения надо обязательно выпить!

Маша и Аня отпрянули и, посмотрев на окружающих испуганными глазенками, отрицательно качали головами. Но тут, забирая бразды правления, поддерживая парней, свое веское слово сказала Татьяна:

– Именинника обижать нельзя! Надо обязательно выпить! За знакомство, за здоровье, за продолжение дружбы, наконец...

От настойчивых просьб, приятных слов, сопровождавшихся обязательной и многозначительной улыбкой Сергея, Аня сдалась очень быстро, вместе со всеми стала упрашивать Машу.

– Только немного, – после долгих уговоров согласилась девушка.

Звякнула алюминиевая посуда. Содержимое кружки жаром обожгло губы, язык, горло. Маша задохнулась, не в силах что-либо сказать, но услужливо поднесенная Иваном берестяная чаша с водой помогла девушке.

Через какое-то время от выпитого по телу Маши покатилась хмельная волна. Голова закружилась. Руки и ноги наполнила приятная ватная теплота. Как будто само собой улетучилось нервное напряжение, стало легко и весело.

За столом быстро завязался непринужденный разговор. От легких шуток всезнающего Сергея небольшое помещение наполнилось звонким смехом расслабившихся девчат. Более всего это относилось к Ане. Стараясь заострить внимание именинника на себе, девушка от всей души заливалась над словами понравившегося ей парня. А Сергей увлекал девушек анекдотами, вставлял в свою удалую речь комплименты и многозначительно стрелял взглядом в Аню.

Маша смеялась вместе со всеми, с нескрываемым удовольствием поглядывая на окружающих. Ей нравилась эта небольшая компания, нравились шутки и теплота, которая появилась во всем теле. Все было очень хорошо, просто замечательно! Она радовалась вместе с Аней, с интересом слушала Сергея, и даже Иван, казавшийся ей суетливым и противным, теперь походил на обыкновенного, нормального парня. Лишь притихшие Татьяна и Федя реже всего удостаивались ее внимания.

Маша не замечала частых, косых взглядов Татьяны на себе. Она не видела, как та была довольна. Осуществлялась часть ее коварного плана: Маша была в обществе мужчин в вечернее время, и этому есть свидетели. Этот факт может стать причиной бесповоротного разрыва с Андреем.

Через небольшой промежуток времени предусмотрительный Иван вскочил из-за стола и, схватившись рукой за горлышко бутылки, забулькал по кружкам:

– Давайте выпьем по второй!

Маша торопливо убрала свою и наотрез отказалась:

– Все, хватит!

– Да ты что, Машенька! Уважай именинника!

– Поддержи компанию!

– Последний раз, Машенька, – наперебой заговорили окружающие.

– Нет! Все, хватит! Уже поздно, надо идти домой! – запротестовала Маша, вставая из-за стола.

– А куда идти, Маша? Смотри, сейчас будет дождь! – воскликнул Сергей и указал пальцем за окно.

И действительно, в серости сгущающихся сумерек метнулась молния, фосфорической вспышкой ослепив небольшой отрезок улицы рабочего поселка. Через пару секунд небеса расколол гром, от которого заплесало пламя в керосиновой лампе.

Пока Маша смотрела в окно на зарождавшуюся стихию, Иван торопливо плеснул в ее кружку спирт.

– Ну вот! А выливать и отказываться нельзя! Давай, Машенька, по последней, и больше к тебе никто приставать не будет, – певучим голоском протянула Татьяна и посмотрела на подругу лисьими глазами.

Маша послушалась и последовала примеру окружающих. Вновь полыхнуло пожаром, обожгло, расслабило и притупило. Раскрасневшаяся девушка чувствовала, что очень быстро хмелеет. Очертания помещения и силуэты людей поплыли в разные стороны. Руки и ноги не хотели подчиняться. Обрывки разговоров становились более громкими, быстрыми и резкими. Маше стоило огромных усилий держать себя в руках. Ей казалось, что подобное ощущение только лишь у нее, что она одна пьяна в окружении подруг и парней. Но, посмотрев вокруг, девушка поняла, что алкоголь завладел всеми.

Аня оказалась самой пьяной. Покачиваясь из стороны в сторону, не стесняясь Сергея и не обращая внимания на одергивания Татьяны, она смотрела только на него. С восторгом она ловила каждое слово Сергея. А он, чувствуя, что уже почти завоевал сердце девушки, продолжал рассыпать комплименты. Но вершиной лести было не соизмеримое ни с чем вранье о том, что он никогда не встречал такого милого и прелестного создания, как Анечка.

Для Ани комплименты – что радуга в феврале! Еще немного, и к сердцу девушки, как через невидимую пропасть, ляжет шаткий мостик коварства Сергея. Еще чуть-чуть, и Аня влюбится в опытного донжуана, ловко расставившего свои сети на очередную жертву.

Татьяна была на вершине блаженства! Все идет так, как хотела она. Этот вечер изменит ее жизнь. Сегодня она отомстит всем, кто насмеялся над ней когда-то. Сегодня произойдет то, о чем она так долго думала. С сегодняшнего вечера сердце Андрея будет принадлежать ей и только ей. Пока же можно наслаждаться происходящим, наслаждаться лестью Федора, застилающей ушко девушки персидским ковром. Она счастлива видеть Машу и Аню сидящими в окружении малознакомых парней, да к тому же в нетрезвом виде. Она одержима мыслью, что приближается минута расплаты, поэтому трепещет от волнения.

Незаметно пролетел час, за ним второй. С улицы в окна заглядывала непроглядная ночь. Яростная гроза, недолго погремевшая над старательским поселком, под напористыми порывами холодного ветра ушла на восток. Скоротечный грозовой фронт оставил после себя младшего собрата: мелкий моросящий дождик слабыми шлепками стучал в мокрое стекло.

Веселье было в разгаре. Убогое помещение наполнилось неумолкаемым гулом и громким смехом. Не в меру расслабившаяся Аня уже сидела рядом с Сергеем и всем своим трепещущим существом тянулась к красноречивому красавцу.

Татьяна и Федя несколько раз выходили на свежий воздух, скрывая любовные чувства от посторонних глаз. Но всем и так было понятно, что парочка уединяется не для игры в салочки. Изрядно захмелевший Ванюшка во всеуслышание заявил:

– Что вы бегаєте, как заполошные? Не стесняйтесь, можете целоваться здесь. Дело молодое, и без этого никак!

Татьяна попыталась изобразить невинное лицо, как будто ничего не происходит. Но Федор оказался намного проще и развязнее. Весело улыбнувшись окружающим, он взял в свои ладони зардевшееся лицо упирающейся Татьяны и поцеловал девушку долгим поцелуем.

Аня захлопала в ладоши и тайно скосила глаза на Сергея. Тот все понял и, не стесняясь, быстро обнял девушку и скопировал жест любви.

Ваня тоже не заставил себя долго ждать. Если целуются все, значит, он не должен оставаться в стороне. Он протянул свои руки через стол к Маше, но девушка, быстро оценив ситуацию, отпрянула и забила в колокол:

– Девчата, пойдем домой!

Но где там! Подруг невозможно было уговорить. Как можно идти домой, если все еще только начиналось. Татьяна не допускала мысли об этом. А Аня смотрела на Таню – раз она не уходит, значит, все нормально!

Иван догнал Машу у ворот.

– Маша! Подожди, надо поговорить! – торопливо заговорил он, а когда она остановилась, ухватил цепкими пальцами за рукав платья, привлек к себе и, насильно обняв, полез целоваться.

– Ты что? А ну отпусти! – пыталась оттолкнуться девушка от назойливого парня, дышащего ей в лицо смрадом перегара.

– Машенька! Да я же влюбился в тебя! Неужели ты этого не видишь? Да я для тебя сделаю что угодно! Горы сверну, только скажи! Я хочу, чтобы ты была навеки моей, да я на тебе жениться хочу... В город с собой увезу! – плохо слушающимся языком врал заученные фразы загоровшийся Иван. Руки парня, как кольцо удава, крепко прижимали, давили и уничтожали попавшуюся добычу. В то время как одна ладонь держала за спиной руку Маши, вторая торопливо металась по кофточке в поисках недоступного.

– Не надо, слышишь? – испуганно противилась девушка со слезами на глазах. Она хотела закричать, но ничего не могла выдать, кроме слабой, едва слышной хрипоты.

Чувствуя себя победителем, Иван криво усмехнулся. Его руки ловко подхватили трепещущее тело, оторвали от земли и понесли.

– Куда ты? Не надо, отпусти... – плакала Маша, но он не слушал ее. Девушка лихорадочно искала выход. Противостоять насильнику можно было только хитростью, и никак иначе. Изменившимся, ласковым и немного кокетливым голосом прошептала ему на ухо решающую фразу:

– Отпусти, чего уж сопротивляться – сама пойду...

Обрадовавшись, Иван разжал руки и осторожно поставил Машу на землю.

Освободившись, девушка медленно пошла вперед, ступнями ног выискивая подходящий камень. А когда орудие было найдено, она присела, схватила булыжник и, резко выпрямившись, приглубила Ивана по светлеющему в темноте лицу. Не ожидая подобного поворота событий, парень в какую-то долю секунды уже лежал без сознания с раскинутыми руками. Девушка не стала ждать, когда Ивана вновь посетят трезвые мысли. Выбравшись на дорогу, она бросилась бежать в сторону своего дома.

Аня не могла противиться своему необъяснимому желанию именно сейчас, в эти минуты быть в обществе городских парней, умеющих держать себя на высоте, знающих, когда и что сказать, быть в меру веселыми и жизнерадостными. Она не желала покидать это общество и уходить от того, кто впервые ураганом ворвался в ее трепещущее сердце, кто мгновенно разрушил неприступные преграды к потайным уголкам восприимчивой души, кто не оставил и тени сомнения в наступлении прекрасного будущего и отрезал все пути отступления к безвозвратно ушедшему детскому прошлому.

Девушка хотела быть только рядом с ним, с таким красивым, умным, стройным. Именно в этот час Аня желала разрешения всех вопросов, возникших при их знакомстве. Она хотела услышать то заветное и единственное слово, от которого кружится голова. Она ждала мгновения, когда он, Сергей, раз и навсегда скажет, что она значит в его жизни и как ей жить дальше в этом бушующем, взрывающемся мире страсти?

Аня была пьяна в прямом и переносном смысле этого слова. Она была пьяна от своей любви и от сильных, настойчивых объятий Бахуса. Девушка уже не могла противиться легким, но необъяснимо настойчивым просьбам любимого человека выпить еще чуть-чуть.

Притуплённое чувство осторожности на краткий миг возникло из глубины ее опьяненного сознания. Оно предостерегало, предупреждало. Но Аня тотчас заглушила это чувство успокаивающим объяснением о необходимости продолжения знакомства. Все будет хорошо! Все будет в рамках приличия! Аня верит Сергею. Верит, потому что любит!

Для себя где-то в глубине души Аня заметила, что алкоголь в какой-то мере способствует сближению с Сергеем. Она поняла это сразу, хотя и выпила в этот вечер первый раз в своей

жизни, поэтому по вполне понятным причинам не знала той меры, что являлась для нее пределом. Теперь эта мера была давно преодолена.

Это была уже не та Аня, что пару часов назад, краснея от стыда, с волнением протянула свою руку для знакомства. Подражая Татьяне, с неукротимым бесстыдством обвивая руками склонившегося над ней парня, Аня с жадностью и какой-то необузданной страстью отвечала на горячие поцелуи Сергея. Все ее существо преступило границу былого стеснения.

Голова девушки кружилась, как в сказочном, прекрасном сне, на какие-то мгновения отключая от реального мира и не оставляя вокруг ничего, кроме горячих губ Сергея. Но когда из глубины подсознания все-таки пробивалась требовательная мысль о защите девичьей чести, она тут же глушила ее в ответных поцелуях.

В одно из таких мгновений она поняла, что происходит то, что переходит границы дозволенного. Она лежала на нарах с Сергеем, как и когда это произошло, память Ани не может восстановить. Непонимающим взглядом она осмотрелась вокруг и едва вспомнила, где находится. Ровный свет керосиновой лампы откидывал на почерневшие от копоти стены свои желтые лучи.

Его руки судорожно терзали ее обнаженное тело. Горячие губы целовали трепещущие плечи. Она слабо попыталась противиться натиску, но руки Сергея крепко сковали ее бесполезные порывы. Понимая, что погибает, Аня взмолила о пощаде, но он не слушал. Слезы безысходности, побежавшие по ее щекам, не могли остановить происходящего. Затаив рвущееся дыхание, она с ужасом ждала своей участи...

...Нескончаемыми каплями пульсирующего родничка текли слезы обиды, горечи и разочарования. Аня была раздавлена, уничтожена, растерзана и слепо смотрела куда-то в угол избы. В ушах девушки нарастал оглушительный звон, а изможденное мучениями тело наполняла острая, режущая боль.

Краска жгучего стыда обожгла ее вспыхнувшее лицо. Ане сделалось дурно. Она вскочила с нар и бросилась к дверям, на улицу, но непослушные ноги отказывались служить и разъехались в разные стороны. Аня упала на грязный пол. Повторная попытка не привела к успеху. Она хотела что-то сказать, но заплетавшийся язык не подчинялся, слышалось только мычание. За спиной раздался смех. Аня повернулась и попыталась хоть что-то объяснить знаками.

Сергей легко догадался, что хочет сказать девушка. Быстро вскочив, он схватил Аню и, пнув дверь, вынес девушку на крыльцо. Небрежно усадив ее на землю, Сергей отвернулся в темноту и с чувством некоторого презрения закурил папироску. Теперь Аня его интересовала меньше всего.

В темноте слышались тяжелые шаги. Сергей узнал, но все же предупредительно спросил:

– Иван, это ты?

– Я, кто же еще! – с тяжелым сопением отозвался сердитый парень.

– Ты что один? А где Маша?

– Убежала, сучка! Камнем по рогам врезала – едва очухался... Встречу – убью! – грозился Иван, но, услышав неопределенные звуки, изменил голос:

– А это кто на ветер лает?

– Анька напилась. Добралась до бесплатного... – ответил Сергей.

– Ну и что, как у тебя дела? – вторя ему, спросил Иван.

– Нормально, – после некоторого молчания удовлетворенно ответил Сергей. – Плакала девчонка...

– Да ты что? Ух ты! Молодец... Ну и что теперь?

– Как что? Хочешь?... Тогда бери ее и неси, пока Танюха не увидела...

Иван не заставил себя долго ждать. Он взял ее на руки и, осторожно нащупывая в темноте ночи знакомую тропинку, понес девушку к сеновалу бабки Маланы...

Глава 9

«Дадут коновода – ни Богу свечка, ни черту кочерга! И родятся же такие на белый свет, людям мучение, а ему благодать. Мужики не зря говорят, что ленив, как застоявшийся мерин. Может, его и правда кнутом огреть?» – злился Андрей, в раздражении поправляя на лошадях закрепленный груз.

Данные слова конечно же относились к нашему хорошо известному и знаменитому Алексею, который, не обращая внимания на нервничавшего товарища, точил ляды с бабкой Матреной. В том, что они остановились на Спасском прииске отдохнуть, виноват, конечно, Андрей: надо было проехать мимо столетней старухи, и сейчас они уже были бы во-о-он где!

Андрей посмотрел на таежные горы, на солнце, на старуху, на проклятого Леху и тяжело вздохнул.

Что для бабки время, расстояние и обязанности! Она свое прожила. Теперь целыми днями сидит на завалинке покосившегося домика и ждет, кто к ней подсядет для разговора. Ей интересно поговорить о жизни, о старине, о золоте. Так как все население прииска занято поисками желтого металла, свою драгоценную историю, берущую начало от царствования Николая Первого, Матрена рассказывала палевому длинношерстному коту, вальяжно развалившемуся у нее на коленях. Коту можно кое-что и приврать, ведь ему нет разницы, о золоте или о мышах говорит хозяйка. Все равно он ответит Матрене благодарным мурлыканьем, что воспринималось древней старательницей за факт явного согласия.

Появление Лехи для бабки Матрены было настоящим праздником. Она знала, что он никогда не проедет мимо, всегда остановится и выкурит в обществе словоохотливой бабуся свою знаменитую самокрутку. Процесс сворачивания и наслаждения отравой длился не менее получаса, и за это время бабка успевала наговориться всласть.

– Эх, милай! То ли дело было в наше время! Шишки кедровые – как ананасы! Соболя – черные! А золота скоко – ужас! Бывало, копнешь лопатой да на лоток, а они – самородки – тараканами так и сыплются, так и сыплются! – говорила старуха, показывая свой изогнувшийся ноготь, сравнивала с ним самородки.

– Ой ли, бабка, врешь ведь! – выпуская из ноздрей дым, зажигал Матрену Леха.

– Вот те хрест! – торопливо крестилась та. – Не вру и тебе не советую. А вот помню, однакось, в одном месте шурх били, а от тэнь во каки голуби шли!

Бабка Матрена сжимала в кулак свои иссохшие и скрюченные от холодной воды пальцы и напущенно махала ими у Лехи перед лицом.

– Ой да не поверю! Где это такое было? – стараясь казаться хладнокровным, спрашивал Алексей в надежде выведать, где находится тот шурф.

– Ой ли? А ты, однако, парень с головой! Хочешь на дармовщинку соленый огурец скушать, – хитро прищутив маленькие глазки, хохотала бабка. – Где ты хош раз видал старателя, кто золотой шурх тебе покажет?

– А ты, бабка, тоже не дура! Хочешь, чтобы тебя в этом шурфе похоронили? Что же это ты говоришь, самородки по килограмму шли, а сама в рваном платье ходишь! Всю жизнь на золоте прожила, а в нищете помирать собираешься! – уже сочувствовал Леха.

– Э-э-э! Мал ты еще, однако, не знаешь мудрой пословицы, что на золоте да на соболях не будешь богатым, а будешь горбатым! – отвечала Матрена и смотрела куда-то вдаль, на далекий Екатериновский хребет, у подножия которого прошла вся ее жизнь...

Андрей начинал возмущаться: за бесполезными разговорами терялось драгоценное время. Дорога до Петропавловского прииска, куда им предстояло идти, была далека и тяжела. Лошади в ожидании стояли под грузом. Пора трогаться в путь, а бабка с Лехой все милуются

пустыми словами, словно любовники. И неизвестно, сколько мог еще продолжаться разговор, если бы Андрей не схватился за кнут.

Завидев в руках товарища орудие шоковой терапии, Леха быстро выбросил недокуренную самокрутку, вскочил на ноги и, прощально чмокнув бабу Матрену в щеку, довольно проворно вскочил на своего мерина. Растроганная бабу, не видевшая мужских знаков внимания уже более шестидесяти лет, тоже вскочила с завалинки и, сбросив с колен возмущенного кота, уставилась на Леху. Казалось, поцелуй ее Леха еще раз, она бы точно сказала, где находится золотиносный шурф.

За Екатерининским прииском конная тропа сбежала к руслу реки и пошла по каменистой старце под тенью тальниковой прохлады.

Взглянув на воду, Леха оживился, закрутился в седле и, несмотря на свою меланхоличность, привстал на стремянах, стараясь высмотреть в ржавой воде серебристые бока стремительных хариусов. Алексей был страстным рыболовом. Оказавшись рядом с водоемом, он менялся до неузнаваемости. Мгновенно исчезали лень, спокойствие и нерасторопность. В достижении своей заветной цели Леха становился заводным, предприимчивым и настойчивым. Вылавливая из глубины реки юрких черноспинных хариусов, рыжебоких ленков и большеголовых тайменей, он часами терпеливо пускал по струе свою мудреную, собственного изобретения снасть до тех пор, пока в прозрачной воде еще были видны осторожные тени рыбы. С его ловкостью и знанием дела могли сравниться лишь самые опытные и бывалые рыболовы. Он мог часами стоять по колено в холодной воде, продираться сквозь переплетения тальниковых зарослей, где сам черт ногу сломит, к желанным ямам. Без усталости Алексей заводил и пускал по струе хитро сплетенную мушку-обманку в ожидании того момента, когда на крючке затрепещется волнующая душу и сердце добыча. В такие моменты он походил на застывшую перед броском рысь, на ожидающего появления мыши соболя, на замеревшего в стойке лисовина. При неудаче он не сердился, а лишь, рассеянно улыбаясь, корил себя. Когда же на низке из тальникового прутка висела солидная гирлянда, парень с нескрываемой детской радостью, с чувством до конца выполненного долга важничал и неторопливо, с расстановкой хвалил себя:

– Вот это да! Вот это я понимаю улов! Есть на что посмотреть!

Но напрасно Леха в этом месте вытягивался в струнку в надежде увидеть добычу. Здесь невозможно было увидеть не только играющих хариусов, но и неглубокого, каменистого дна золотиносной реки. Как при весеннем паводке, по извилистому руслу непроглядной массой шла желто-грязная муть, что являлось одним из характерных свидетельств качественной работы старателей-лоточников, отмывающих золотиносную породу от грязи и песка вверх по Чибижеку и его многочисленным притокам.

Андрей, понимавший настроение и желание напарника, тут же взял на вооружение данное обстоятельство, что могло помочь дальнейшему быстрому передвижению к пункту назначения. Хитро прищутив глаза, он намеренно пошел навстречу Лехиному соблазну:

– Здесь ты ничего не поймашь! Видишь, какая грязная вода? Если ты со старателями по приискам трепаться не будешь, на устье Калпы остановимся на час-полтора. Там вода чистая, рыбы много, вот и порыбачишь вволю!

Леха, окрыленный надеждой, растянул губы в довольной улыбке, но для виду возмущился:

– О чем мне со старателями говорить? Что они мне, родня? Да я и коня не остановлю – проеду мимо!

В воздухе запахло дымом, из-за поворота показались первые отвалы Николаевского прииска, берущего начало от устья небольшого притока с редким и незабываемым названием Карга. Почуввав человеческое жилье, лошади потянули воздух, застригли ушами и в надежде на предстоящий отдых пошли быстрее. Но Андрей осадил своего Марата убедительными словами:

– Не торопись, береги силы. Нам еще идти очень далеко. Здесь останавливаться не будем.

Умное животное, понимая своего хозяина, согласно дрогнуло гривастой шеей и с шумом всхрапнуло чувствительным носом. На это своеобразное приветствие откликнулись разномастные собаки, выбежавшие навстречу каравану от крайних землянок.

Двое бородачей, сидевших под летним навесом на толстых кедровых чурках, узнав Андрея, заулыбались.

– Андрюха! Ты ли это? А это под кем кобыла кряхтит? Леха! Вот те на, опять комаров поехал кормить? Давай-давай, пусть кровь тебе лишнюю выпьют, а то морда красная, видно, жизнь впрок идет. Кому продукты? Давай к нам на склад, а то у нас перловка кончается! – наперебой заговорили старатели, протягивая парням повидавшие и прочувствовавшие не одну тонну земли набухшие мозолями руки.

– Нет, мужики. Вам продукты завтра привезут. А нас с Лехой управляющий в Павловку отправил – успеть бы до вечера добраться. Назад пойдем – остановимся, – пообещал Андрей и взял в руки уздечку.

Продуктовый караван тронулся с места и, поспешно оставляя за собой очередные пяди изрытой конскими копытами тропы, скрылся за поворотом.

Однако дружелюбные приветствия старателей не закончились.

Так как прииск Николаевский-Карга славился довольно богатыми залежами золота, то на нем старалась многосотенная армия соискателей синей птицы удачи. Небольшая таежная речушка, как и вся пятидесятикилометровая пойма реки Чибижек, была изрыта многочисленными шурфами, штольнями и не поддающимися нормальному человеческому восприятию отвалами перемытой земли. Десятки, сотни километров водоотводных каналов и колод дополняли картину сибирского Клондайка. Одна-единственная конская тропа, или, точнее сказать, дорога жизни приисковых старателей, во многих местах проходила неподалеку от старательских сооружений. Люди, работавшие на шурфах, лотках, колодах, не могли пропустить без внимания никого из проходивших или проезжавших мимо. А уж если таковым являлся Леха, то тем более. Многие уже знали о событиях, недавно приключившихся с ним в поселке, поэтому язвили:

– Леха! Как петушок, поет?

– Много ли везешь для старателей соли в...?

Окрещенный Блаженным, что в понятии старателей подразумевалось как безобидный, Алексей отмалчивался и отводил глаза в сторону мохнатых кедров.

Из-за очередного поворота вновь пахло дымком незатейливого костерка. У огромного отмытого отвала расположилось наспех оборудованное становище старателей: приземистая землянка, летняя крыша и длинная смотровая водозаборная колода. Во главе колоды двое бородачей, проворно мелькая руками, крутили вороток, выдавая из неглубокого шурфа очередную порцию золотоносного суглинка. Еще двое, запустив в ледяную воду жилистые руки, разбивали и размывали в колоде отмываемую землю. Неподалеку в густом пихтаче слышался стук топоров, видимо, еще несколько старателей подготавливали лес на крепи шурфа.

Андрей знал одного старателя и предупредительно поздоровался с Петровичем, еще не доезжая до участка. Тот бросил свое занятие и поспешил навстречу:

– Ба! Андрейка! Здорово живешь! Закурить найдется? – Андрей остановил Марата и неторопливо посмотрел на Леху, который с большой неохотой полез в карман за кисетом.

Завидев греющий душу старателя знакомый жест, все мужики поспешили за Петровичем и без лишних разговоров, как будто Петрович просил закурить для всей бригады, протянули натруженные тяжелой работой руки к Лехину кисету. Завернув большие, по мнению Алексея, самокрутки, затянулись дымом и, как подобает, стали восхвалять табак и конечно же его хозяина. Лехина рожа расплылась в довольной улыбке, потому что так, как хвалили его старатели, его еще никто и никогда не хвалил.

Однако слова имели оборотную сторону. Задабривая простодушного коногона, старатели вытащили из кисета большую часть табака. С прискорбием обнаружив, что осталось всего лишь на несколько закруток, парень торопливо спрятал кисет.

По неписаному распорядку делать привал на половине пути караван остановился на двух-часовой отдых и обед в устье Калпы. Подогнав лошадей к большой перевалочной избушке, парни привязали уставших животных к коновязям, сняли груз и, протерев мокрые от пота спины травой, накрыли их тонкими суконными потниками. Пока Андрей разводил костер, Леха притащил из тайги несколько гнилых пеньков и нарвал огромную охапку разросшейся по поляне травы-дурнины. От уложенных в огонь гнилушек на сбившихся в плотную кучу лошадей повалил густой и едкий дым. Почувствовав временное облегчение, бедные животные едва не наступали в костер, который в данный момент играл роль спасителя от сотен, тысяч мокриц, ненавистных комаров и болезненно жалящих паутов.

Посмотрев на умильное лицо замеревшего в ожидании разрешения Лехи, Андрей улыбнулся и махнул рукой: «Давай!» Тот схватил топор и бросился к тальникам, надеясь отыскать необходимое для рыбалки удилище.

– Леха, стой! – остановил мечущегося по кустам товарища Андрей и на немой вопрос показал пальцем в сторону зимовья. Там у прирубленных сеней стояли три длинных, потемневших от времени удилища. Леха благодарно улыбнулся и, поочередно взмахнув каждым из них, выбрал нужное. Теперь оставалось подцепить мушку и леску.

Четыре мушки-обманки, которые считались богатством, сравнимым с графским состоянием, у него есть. С леской дело обстояло еще проще, так как в караване было шесть конских хвостов. Выбирай любой!

Посмотрев наметанным глазом, Леха подошел сзади к грязно-белой кобыле с весенним названием Верба. Погладив ничего не подозревающее животное по крупу, отчаянный рыболов намотал на кулак добрую прядь лошадиного хвоста и резко дернул. От боли кобыла присела, но тут же, выпрямившись, лягнула обидчика. Леха никак не ожидал такого поворота событий, удар пришелся в пах... Лицо парня перекошилось от боли.

Андрей не знал, смеяться или плакать. По тому, как быстро Леха пришел в себя, можно было догадаться, что удар копытом был слабым.

– Говорил тебе – никогда не дергай коня за хвост! Что, лень спросить нож? – с укором внушал Андрей незадачливому товарищу запоздалые уроки таежной жизни и аккуратно вырезал острым лезвием ножа несколько волосков из хвоста лошади.

Забыв про боль, Леха взял прозрачные жилки, связал их хитрым узлом и, попробовав снасть на прочность, удовлетворенно улыбнулся. Теперь оставалось только подвязать мушку и попробовать свое хитросплетенное орудие лова в прозрачных водах Калпы или Балахтисона.

Первый заброс мухи в Калпу принес обжигающую душу удачу. Не успела обманка коснуться воды, как вокруг нее закипела вода. Из глубины реки к мушке бросился блестящий косячок хариусов. После резкого рывка на конце бело-грязного волоса живым серебром затрепыхался пойманный хищник. Леха, окрыленный удачей, закинул снасть в живую струю таежной реки, и опять ответом был пойманный хариус. Счастливый рыбак кидал и кидал добычу на каменную косу.

Пять, семь, десять, пятнадцать, двадцать! Не прошло и пяти минут, а за спиной удачливого рыболова уже лежало столько рыбы, что ею можно было накормить бригаду золотарей. Но Леха, как будто не замечая этого, в азарте ловил и ловил из глубины щедрой реки дары природы.

От зимовья к реке подошел Андрей:

– Леха, остановись, хватит! Зачем нам так много рыбы? Не съедим – придется выбрасывать. Не губи добро!

– Еще разок в Балахтисон брошу – и все. Надо же попробовать мой новый крючок!

Андрей согласно промолчал и, нагнувшись, стал собирать в котелок пойманных хариусов.

А Леха сунул руку во внутренний карман походной куртки и вытащил небольшую холщовую тряпку, в которой вместе с мушками лежал большой самокованный крючок, предназначенный для более крупной рыбы. Этот крючок Леха сделал сам. Купив в приисковом магазинчике большую портняжную булавку, он кропотливо нагревал, загибал и вытягивал жало на высокопрочной игле, пока его изобретение не приняло нужную форму. Процесс изготовления крючка занял два дня, и теперь, с Лехиной точки зрения, крючок сравнивался разве что с золотым самородком, отрытым дедом Беловым еще в начале века. Лехе казалось, что теперь он поймает самого большого ленка или царя таежных сибирских рек – коварного тайменя. Улыбнувшись и осторожно подцепив крючок к конской жилке, он заспешил к большой реке.

Балахтисон в слиянии с Калпой был в несколько раз больше, шире и глубоководнее своего притока. Не всякая рыболовная снасть достанет до середины реки. Перейти реку вброд можно только лишь в августе или в сентябре, когда уровень воды падает до критической отметки. Можно и в конце июня перебраться на противоположный берег, но это будет стоить мокрых штанов и рубахи. Вода в реке имеет постоянную температуру, но для Лехи плюс семь – не проблема. Стараясь обрыбачить заманчивую противоположную сторону реки, где несколько внушительных валунов создали благоприятное улово для отстоя рыбы, он остановился для решения еще одной, совсем маленькой проблемы.

Все дело в том, что, как бы ни был хорош самокованный крючок, без наживки на него никто клевать не будет, как человек не будет пихать в рот ложку, в которой нет каши.

Остановившись на берегу. Леха задрал свою рубаху и оголил белоснежное пузо. Не обращая никакого внимания на мгновенно прилепившихся комаров и мошек, он терпеливо ждал более крупную добычу. Ждать пришлось недолго. Через несколько секунд появился большой паут – овод, который уселся на живой аэродром в надежде попить Лехиной кровушки. Однако ладонь парня ловко превратила таежного паразита в приманку для рыбы. Насаживая на крючок паута, Леха посмотрел ему на глаза и с удовольствием отметил:

– Зеленые. Июль будет жарким, солнечным. Покосы отойдут хорошо. Сено будет зеленым...

Холодная вода обожгла ноги выше колена. Не обращая внимания на обжигающие струи, он кинул снасть в заветный омут. Точно заброшенный крючок быстро побежал по поверхности воды и, обогнув один из бурлящих камней, завис над затишьем, где, по мнению опытного рыболова, должен был стоять самый большой во всем Балахтисоне таймень. Вопреки всем ожиданиям, из глубины реки никто не выскочил, как будто там никого не было. Второй заброс тоже не привел к должному успеху, что очень удивило и озадачило Леху. Он кидал снасть еще и еще, пока не добился своего. Из-под камня метнулась черная тень, которая молниеносно схватила предлагаемое «блюдо». Жидкое удище изогнулось в коромысло и потянуло за собой растерявшегося рыболова. Волосяная леска натянулась гитарной струной, заметалась из стороны в сторону, зазвенела, разрезая напор быстрой воды.

Чувствуя силу попавшейся рыбины, Леха едва сдерживал руками мечущееся удище. В какое-то мгновение, пытаясь оторваться от крепко схватившего жала, над поверхностью воды взлетела стремительная торпеда. Таймень!

Черный, под цвет дна, как обгорелое кедровое полено, невероятно большой – метр, не менее, – он взлетел над водой и, взметая в воздух фонтаны брызг, вновь упал в родную стихию. Конский волос перископом подводной лодки разрезал поверхность реки.

«Не давай слабины! Пусть он устанет, ослабнет. А вытягивать надо на косу...» – едва пересиливая волнение, стараясь быть хладнокровным, сам себе говорил Леха.

Таймень успокоился и, как бы чувствуя безысходность своего положения, медленно пошел под ноги человеку. Но тут под ноги уже торжествующему победу рыболову попался

гладкий, обмытый течением реки камень. Леха поскользнулся и, не удержав равновесия, упал в воду. Дернувшееся удилище, с резким свистом описав полукруг, улетело далеко за спину. Из воды выскочил сорвавшийся таймень, прощально взмахнул растопыренными плавниками и громко ударил по воде хвостом.

Не веря в происшедшее, Леха торопливо вскочил на ноги и устоял на игривых волнах реки, поглотившие самую большую в его жизни добычу. Это походило на стремительный полёт улетающей синей птицы, только что случайно выпущенной из озябших ладоней. Может быть, это было самое большое разочарование за его восемнадцать лет. Увидев на конце лески нечто неопределенное, он поднял удочку и поймал рукой конский волос. На его конце болтался разогнутый крючок.

Леха замер, внимательно рассматривая свой непростительный брак, из-за которого случилось то, что он ожидал менее всего. Выражая всю ярость и негодование на самого себя, он стал хлестать удилищем по бугристой поверхности размеренно текущего Балахтисона. Парню казалось, что сейчас над ним хохочет вся тайга. В разорвавшемся на части сердце неудачника рыболова вспыхнул негасимый пожар обиды. Но ни протяжный волчий вой, рвавшийся из глубины души, ни топот босых ног по каменистой отмели, ни противный скрежет зубов не могли вернуть прошедшей минуты отвернувшегося счастья.

Между тем у зимовья происходили некоторые перемены. Леха увидел, что у коновязей стоят чужие лошади, а у костра суетятся незнакомые люди.

Впрочем, одного из них он узнал. Сашка Могильников, или просто Могила, был одним из многочисленных коноводов, развозивших продукты по золотым приискам. Трое других, приодетых в хорошую одежду и яловые сапоги, больше походили на городских интеллигентов, чем на простых работяг-старателей.

Рыжеволосый круглолицый парень с шишкой на лбу суетливо развязывал походный вещмешок с продуктами. Второй, широкоплечий, черноволосый, с аккуратно подстриженными усами, резал складным ножиком золотистую буханку пшеничного хлеба. Еще один, высокий, с кудрявыми волосами, подчеркивая свое главенство, руководил подготовкой к предстоящей трапезе. Повернувшись к елке, где на сучке висел кавалерийский карабин, он качнул головой в сторону оружия и что-то спросил у Андрея. Андрей заканчивал немудреное колдовство, связанное с приготовлением хариусов. На вопрос незнакомца улыбнулся и коротко ответил.

– Ба! Кого я вижу! Леха! – радостно воскликнул Могила. – Ты что такой хмурый? Никак, дома трусы забыл?

Даже не прореагировав на шутку, Леха подошел к зимовью и, приставив к сеням удилище, степенно показал разогнутую булавку:

– Таймень!.. Во какой!.. Как бревно!

– Видно, плохо крючок закалил. Ты где его держал, при каком температурном режиме? – сочувственно взмахнул руками Могила.

– Как где? На кузне, у дядьки Михаила. Это он мне рассказал, как надо цвет выдерживать.

– Вот ты дурень, – Могила незаметно и хитро подмигнул окружающим. – Надо было его к юбке Надьки Раскладушки подцепить – глядишь, за неделю так натомится, никакими щипцами не разогнешь!

Леха недоверчиво посмотрел на Сашку и обиженно отвернулся. Все дружно засмеялись.

– На вот, Леха, выпей с горя! Пусть тоска долой пройдет! – проговорил кудрявый, наливая из фляжки в железную кружку спирт.

Леха посмотрел на Андрея – при перегонах коней с прииска на прииск пить в дороге у коногонов не принято. Андрей в это время снимал с костра пышущий ароматом ухи котел и на немой вопрос товарища разрешающе промолчал.

Леха взял кружку в руки и, сморщив лицо в кирзовый сапог, выпил содержимое. За ним последовали все сидящие. Андрей, колебавшись, тоже выпил угощение.

Глухо затукали деревянные ложки. Ели быстро, но недолго. Кудрявый вновь забулькал по кружкам и опять предложил выпить. Раскрасневшийся Леха, не глядя на Андрея, торопливо схватил протянутую ему посуду. Андрей отказался:

– Я не буду. Дорога далека, трудна. Надо приглядывать за лошадьми и грузом.

– Ничего, доедем! – обнадеживающе воскликнул рыжеволосый. – Нам тоже надо в Петропавловский прииск. Вместе доедем, если что – поможем!

Все, кроме Андрея, выпили и стали хвалить наваристую уху.

– Эх, и хороша рыбка! – сказал кудрявый и доброжелательно улыбнулся: – Спасибо вам, парни! Накормили досыта. Давно мы не ели такого вкусного хариуса!

– Лехе спасибо. Это он у нас такой отменный рыболов! – Андрей посмотрел на товарища.

Леха покраснел, но, пребывая навеселе, не страдал от излишней скромности. Стал восхвалять свою удачу и мастерство в рыбной ловле. Сергей, Федор и Иван – а это были они, уже хорошо известные нам «герои» – с улыбкой смотрели на распалившегося хвостуна. Сашка не переставал поджигать самолюбие рыбака:

– Да ну! Не может быть! Врешь! Да у нас и рыбы такой нет!

– Не веришь? – уже орал Леха и, вышагивая по поляне, махал руками, показывая длину сорвавшегося тайменя.

Парни захохотали. Леха понял, что хватил лишнего, сдался:

– Ну, может быть, длина поменьше, но рот – как котелок!

Сергей потянулся во внутренний карман за портсигаром и, достав дорогую папироску, прикурил. Лехе захотелось курить, но его кисет был пуст.

– Дай закурить, – робко попросил он и с нескрываемой надеждой посмотрел на Сергея.

– А свои где? – спросил Федор с укоризной. Леха вкратце рассказал о своем попустительстве.

Парни вновь рассмеялись. Сергей неторопливо и важно полез в свой вещмешок, достал две пачки папирос:

– Бери!

– А как же ты? – удивленно спросил Леха и робко протянул руку.

– У меня еще есть, – сказал Сергей.

– Я верну. Вот пойдем на прииск второй ходкой – привезу назад две пачки, – сказал Леха, прикуривая от костра.

От перекрестного воздействия спиртного и никотина Леха заговорил обо всем на свете. В большей степени это относилось к его слабостям и искушениям. Закатив глаза в безграничную синь неба, Леха говорил:

– Эх! Люблю я плотно покушать! А как поем – курить! А покурю – тогда поспать! И еще рыбачить люблю. Но только тогда, когда клюет!

– А девок-то любишь? – сквозь смех хитро спросил Иван.

Как будто о чем-то вспомнив, Леха, растянув губы в широченной улыбке, ответил по-детски, бесхитростно и откровенно:

– Люблю. Но только одну – Анечку!

– Анечку? Случайно это не та, которая живет на Понуре? Еще у нее носик пуговкой и глазки голубые? – с живым интересом спросил Иван.

– Да, она. А откуда ты ее знаешь? – удивился Леха.

– Да так... Было дело... – посмотрев на товарищей, усмехнулся рыжеволосый.

– Да нет. Ты, наверное, ее с кем-то путаешь. Это, наверное, не она. Наши девчата честные, кроткие. Они никогда на твое «дело» не пойдут! – защищая честь сразу всех поселковых девчат, воскликнул взволнованный Алексей.

– Не пойдут? Да они только того и ждут, чтобы их кто-нибудь из городских или приезжих потискал. Что толку с вами, деревенскими? Пару слов связать не можете. А девка – она ушами

любит! А мы эти ушки ласкать умеем... – многозначительно и довольно нагло проговорил Иван.

– Нет... Нет, этого не может быть! Моя Анечка не такая... – побледнел лицом Леха и посмотрел на Андрея испуганными, бегающими глазами.

Андрей насторожился. Иван, вспомнив о боли, причиненной ему Машей, заговорил еще жестче и злее:

– Не может?! Ха-ха! Да вот только позавчера я твою Аню на сеновал на руках носил! Не веришь? Сам проверь! Все они такие, сучки... И Ани, и Мани, и Тани....

Он хотел сказать что-то еще, но не успел. Разъяренным медведем Леха вскочил с земли и бросился на него с кулаками.

Иван даже не успел защититься. Леха нанес ему сокрушительный удар кулачищем в лицо. Захлебываясь кровью, Иван упал на спину. Леха хотел повторить свой «аргумент» еще раз, но не успел. Сергей и Федор коршунами набросились на него сзади и подмяли под себя.

Андрей бросился на защиту товарища. Завязалась жестокая драка. Сквозь глухие удары слышались резкие вскрики и грозные ругательства.

Сергей и Федор были на несколько лет старше Андрея и Алексея. Но превосходство силы и ловкости было явно на стороне молодости.

Предчувствуя свое поражение, Сергей кошкой прыгнул под елку и схватил в руки карабин Андрея. Заученно клацнул затвор, но выстрела не последовало: Андрей ловко вырвал оружие из рук и коротко, но очень сильно ткнул прикладом в лицо Сергея. Тот, лишившись чувств, пластом упал на землю.

Федор взмолил о пощаде. Сашка Могила, все это время наблюдавший драку со стороны, громко закричал:

– Мужики, остановитесь! Перебьете друг друга!

Эти слова были решающими. Андрей оттащил Леху от Федора и, заломив руки за спину, уронил на землю:

– Леха, все, хватит!

Алексей с пониманием воспринял слова товарища и, успокоившись, присел у костра.

Федор и Могила бросились приводить в чувства Ивана и Сергея. Первым приподнялся Иван. Он долго и протяжно стонал от боли, поочередно выплюнув на землю два зуба. Сергея отлили водой. Не в силах подняться, он крутил головой из стороны в сторону, прикладывал к окровавленному лицу ладони и, наконец, собравшись с силами, зло прошипел Андрею:

– Ты мне нос сломал. Теперь, сука, живи и жди! В зону пойдешь... Ты у меня будешь в Магадане лобзиком деревья пилить...

Глава 10

– Маша! А почему Аня все время плачет и плачет? – спрашивала сестру Наташа.

– Не знаю...

– А почему она все время дома сидит и никуда не ходит?

– Не приставай...

– А зачем она себе косу обрезала? А почему вы с ней вчера целый день в бане плакали?

– Тебе показалось. Мы не плакали. Это кот мяукал. Отстань... – темнела лицом Маша, стараясь отделить страшную тайну не только от сестренки, но и от окружающих ее людей. Всегда ласковая, нежная и словоохотливая Маша была хмурой и сердитой. Строгий взгляд прищуренных глаз из-под изогнутых бровей привел девочку в замешательство, и Наташка поняла, что сейчас к сестре лучше не приставать. Ухватив свою любимую, шитую из тряпок куклу Варю с пучком приклеенных к голове конских волос, девочка нахмурилась и попятилась к двери:

– Пошли, Варя. Никто нас здесь не любит. Одна ты у меня осталась подруга – самая верная и самая надежная. А Машка нам больше не подруга.

Закрывая дверь избы, Наташка все-таки решила хоть как-то насолить сестре за обиду. Из сеней просунула голову назад и торопливо выпалила:

– Не хочешь говорить – грядки будешь полоть одна. Я тебе помогать не буду!

Девочка бросилась бежать на улицу и, опасаясь наказания, залезла в густую непролазную крапиву за углом соседского дровяника. Ее ожидания были напрасными: Маша не побежала вслед за ней и не стала искать проказницу. Наташка, успокоившись, стала отдирать от себя и от Варьки липкие шарики семян репейника.

На улице – никого. Не зная, чем заняться, Наташка посадила Варьку на камень и принялась кормить ее из палочки придорожной глиной. Но в этот день Варька была упряма, она не хотела есть кашу. Наташка встала и осмотрелась вокруг, решая, куда бы пойти.

И тут она вспомнила, что все ее ровесники сейчас разрешают спор, возникший между Колькой Ивановым и Сережкой Петровым: превратится Колька в коня или нет, если выпьет воды из следа от конского копыта? Сережка говорит, что может. Колька подобное превращение категорически отрицал. Сережка уже учился в пятом классе. Колька – всего лишь в третьем. Затянувшийся спор перерос во всеобщее обсуждение: всем было интересно, чем закончится дело. Девочкам очень хотелось узнать, кем будет Колька после превращения – конем или кобылой? Мальчишкам было интересно, где его будут держать на конном дворе или передадут в подхоз в Ольховке.

Поспорили на интерес. Со своей стороны Колька выставял найденный в земле обломанный клинок, который, без всякого сомнения, выронил из рук убитый красноармейцами колчак. Сережка предлагал пустую жестяную коробку из-под леденцов монпансье, в ней бабка Акулина хранила письма сына, не пришедшего с Гражданской войны.

Обжигающая мысль о том, что превращение может произойти без нее, придала Наташке такой взрыв энергии, которому мог позавидовать любой человек во всем Чибижеке! Крепко зажав Варьку под мышкой, она выскочила на дорогу и засверкала пятками по улице.

Все ее сверстники должны были находиться у реки, где за высоким неприступным забором разместилась обширная понуровская конюшня. Девочка прибежала вовремя и успела принять участие в обсуждении важных вопросов: когда надевать на Кольку уздечку – до того, как он будет пить из конского копыта, или потом, после превращения. Сашка Лихоузов тряс в руках украденной на конюшне сыромятной упряжью, дожидаясь слова старшего над детворой.

– Потом... – сказал свое заключительное слово Сережка.

– А мы его поймем? А вдруг рванет через забор? Кто его потом будет объезжать?

– Не рванет! Забор высокий! Да и конь будет понятливый, с Колькиными мозгами.

Сережа продолжал наслаждаться наивностью обманутых детей, а затем повернулся к Кольке и потребовал:

– Колька! Давай клинок! Превратишься в мерина – чем будешь отдавать? Копытами?

– А где банка из-под леденцов? – в свою очередь потребовал Колька, ухватившись за рубаху, под которой была спрятана обломанная шашка.

– Сказал вечером – значит вечером!

Колька скривил лицо, полез рукой под рубаху и при всеобщем восхищении передал в Сережины руки четвертину полотна казачьей шашки. Взявшись за костяную ручку, Сережка торжественно поднял над головой легко добытое обманным путем оружие, со свистом разрезал воздух и, предусмотрительно спрятав клинок в штаны, коротко скомандовал:

– Ну вот. Теперь пей из копыта. Сразу же конем станешь!

Колька встал на колени и, склонив голову к отпечатавшемуся на глине конскому копыту, принялся пить грязную воду.

Когда жижа исчезла, он гордо приподнял голову и, с недоумением посмотрев на Сережку, спросил:

– И где твоё превращение?

– Наверное, след не волшебный. Пей из следующего копыта, – с иронией предложил Сережа, едва сдерживая смех.

Колька послушно продвинулся к следующему копыту, однако и на этот раз ничего не произошло.

– Ну и что? Может, ещё одно копыто осушить? – спросил Колька, вставая на ноги. – Врёшь ты все, это сказки, что можно в коня превратиться!

Сережка захохотал, закрутился волчком на одной ноге, затараторил распространённый в кругу детворы стишок:

– Обманули дурака на четыре кулака! А на пятый кулак вышел Колька-дурак!

– Обманул, да? Когда банку принесешь? – с обидой в голосе спросил Колька.

– Банку? Какую банку? Нет у меня никакой банки!

– Тогда давай назад саблю! – не унимался Колька.

– Что? Саблю? А ты это видел? – изменившимся голосом, с некоторой угрозой ответил Сережка и подставил под нос Кольке фигу.

– Дай! – более твердым голосом повторил Колька и ухватил обидчика за рубаху.

– Чего цапаешь? Не хватай, не твоё! – сильно оттолкнул настойчивого пацана Сережка, отчего тот, не удержавшись, упал.

Но Колька оказался не робкого десятка. Быстро вскочив на ноги, он хлопнул Сережку кулаком по лицу. Сережка ответил ему тем же. Из Колькиного носа ручьем хлынула кровь. Девчонки завизжали от испуга. Мальчишки подбадривающе закричали.

На шум из бревенчатой сторожки выглянул бородатый сторож Ефим и угрожающе рявкнул на всю улицу:

– А ну! Уж я вас! Уши-то порву!

Перепуганная детвора бросилась врассыпную. Наташка засеменила вниз по реке. Шумное сопение за спиной заставило её бежать ещё быстрее, но преследователь не отставал. Девочке казалось, что дед Ефим гонится за ней. В изнеможении, едва перебирая заплетающимися ногами, она осмелилась обернуться. Вместо бородатой рожи Наташка увидела раскрасневшееся, запыхавшееся, измазанное кровью лицо Кольки.

– Ты что это за мной бежишь? – падая на траву, сбивчивым голосом спросила Наташка.

– Я?! Очень мне нужно за тобой бежать! Я сам по себе. Это ты от меня убегаешь! – присаживаясь неподалеку, ответил Колька и вытер сочившуюся из носа кровь.

Искоса посмотрев на него, Наташка хотела ответить каким-нибудь колким и обидным словом, но, видя разбитое лицо и тусклые глаза, не стала злословить. Ей вдруг стало очень

жалко его. Невидимая граница отношений между мальчиками и девочками, примерно десятилетнего возраста, лопнула, исчезла, появились нежность и искреннее сострадание.

– Тебе больно? – спросила она тихим, изменившимся голосом.

– Вот еще! Если бы не конюх, я бы ему показал! – бодро, по-петушиному ответил Колька.

– Вымой лицо в ручье, а то кровь-то так и хлещет! Всю рубаху испачкал!

Несколько удивившись неожиданной заботе, Колька с интересом посмотрел на Наташку, хотел идти к ручью, но она скомандовала:

– Сними рубаху. Дай ее мне.

Колька удивился еще больше и попытался отказываться. Она насильно стянула с него рубаху и, наклонившись над ручьем, стала полоскать в прозрачной воде. Колька в это время смывал с лица запекущуюся кровь, которая продолжала сочиться из разбухшего носа.

– Ляг на спину! – в очередной раз скомандовала Наташка. Колька вновь покорно подчинился ее словам, лег на землю и скосил глаза на новоявленного доктора.

Не находя необходимой тряпки, Наташка без колебаний оторвала у Варьки юбку, протянула Кольке, строго проговорила:

– Приложи, а то так и будет до вечера капать...

Колька безропотно подчинился. Приложив к носу тряпку, он силой воли заглушал бушующее внутри его мальчишеское самолюбие: «А почему она командует?»

– Ты зачем грязь из копыта пил? В сказки веришь? – после некоторого молчания с насмешкой спросила она.

– Нет. Хотел банку выменять, – хмуро ответил он.

– Зачем?

– А она хорошо солнце отражает. Хотел зайчиков пускать...

– Ох, и надул он тебя... – после некоторого молчания сказала Наташка. – И саблю отобрал, и банку не дал! А хочешь, Андрей придет из тайги, я ему скажу, и он отберет саблю у Сережки?

– Еще чего! Жаловаться? Да я сам Сережке по морде дам! Вот только подрасту немного... На будущее лето... – вспыхнув, подскочил Колька.

Наташка осторожно коснулась его плеча:

– Лежи, а то кровь опять побежит.

Колька лег на спину, удивляясь своей покорности.

– А хочешь, будем вместе зайчиков пускать? У меня есть два осколочка от разбитого зеркала, один маленький, а второй побольше. Я тебе дам тот, который побольше, – неожиданно проговорила она.

Не зная, что сказать, Колька промолчал. Подкрепляя паутинки добрых отношений, от которых на душе растекалось приятное тепло, он прищурил глаза и стал лихорадочно соображать, что бы такое подарить Наташке.

– А у меня есть целых восемь гильз от винтовки. Я ими в солдатиков играю. Если хочешь, я тебе отдам четыре штуки...

К дому Наташки они подходили вместе, как старые друзья. Простота и чистота детских душ делает чудодейственные, подчас недоступные для взрослых дела. В таком возрасте легко завязываются крепкие, чистосердечные отношения, которые могут длиться всю жизнь.

Но как можно Наташке пройти мимо неторопливо вышагивающей по поселковой улице хорошо знакомой нам Татьяны – надменной и гордой? Их отношения все более ужесточались, обострялись и грозили Наташке плачевным исходом. Но, несмотря на это, несмышленная девочка продолжала травить Татьяну, выставляя напоказ ее дурные стороны.

Наташка язвительно улыбнулась и, хитро посмотрев на Кольку, быстро затараторила:

Наша Танька – драная кошка на колу,

Упала мордой в сажу и золу.
От радости смеется и хохочет.
Но рожу мыть водой никак не хочет!

С этими словами она на короткое время остановилась, ожидая эффекта в глазах Кольки. Колька был доволен. Тогда Наташка хотела добавить еще несколько слов, но не успела.

Ухватив девочку за косу, Татьяна принялась шлепать Наташку. Колька бросился на защиту. Сильно размахнувшись ногой, он пнул Татьяну по ее бугристым формам. Этого было достаточно, чтобы она отпустила Наташку.

– Ах ты, щенок! – зло зашипела она и потянула руки к Кольке.

Колька резво отпрыгнул назад и вслед за подружкой бросился бежать по улице.

Убедившись, что ей не догнать детвору, взбешенная Татьяна подняла с земли Варьку, выпавшую из рук Наташки, злорадно усмехнувшись, разорвала игрушку на несколько частей и бросила в сторону опешивших детей.

Наташка заплакала. Колька стал собирать тряпичные руки и ноги. Татьяна пошла прочь.

– У-у-у, змеюка! – грозился Колька. – Не плачь, Наташка. Пришьем мы и голову, и руки, и ноги. И будет такая, как и была. Она ее больше не порвет, потому что я тебя буду всегда защищать...

Наташка перестала плакать, шумно вздохнула и, посмотрев на Кольку, улыбнулась. Она не могла что-либо сказать ему в ответ, так как не знала слов признательности. Но взгляд девочки говорил о многом: об искренней благодарности, о настоящей преданности, о чистой, светлой дружбе и еще о многом другом, что только может сопутствовать этой дружбе в счастливом, безмятежном детстве.

Глава 11

Вечернее солнце скрылось за неоглядными макушками высоких гор. Вытянувшиеся тени принесли за собой прохладу, неторопливо поплывшую по глубокому балахтисонскому ущелью навстречу каравану. С каждым поворотом конской тропы, копировавшей изгибы прорезанного водой лога, ход становился труднее и сложнее. Болотистые мочажины топили лошадей по колено, каменистые отмели сбивали натруженные ноги уставших животных. Отвесные скалы-прижимы заставляли переходить караван с одного берега на другой, и на это тратилось драгоценное время.

Немногочисленные притоки-ручейки, несущие свою силу в Балахтисон, говорили об окончании тяжелого пути – река с каждым километром становилась все уже. До устья Павловки оставалось небольшое расстояние.

Наконец Марат закрутил головой, зашевелил ушами, с шумом вдохнул встречный воздух. Предупреждая Андрея о приближении к жилью человека, животное всхрапнуло и прибавило шаг.

Андрей почувствовал запах дыма, с облегчением выдохнул:

– Наконец-то пришли!

Как всегда, первыми караван приветствовали собаки. Предупреждая хозяев о приближении людей, они с лаем бросились к ногам лошадей, но, услышав знакомое приветствие, радостно закрутили крючковатыми хвостами.

Из приземистых землянок показались испуганные лица старателей. Узнав парней, золотари заулыбались, выскочили навстречу каравану, расспрашивая на ходу о чибижекских новостях.

Не останавливаясь, Андрей подъехал к большому бревенчатому складу и у коновязи спешился.

Их уже ждал управляющий прииском. В отличие от старателей, он был одет в более чистый, не испачканный землей, но заношенный до дыр пиджак, модное красноармейское галифе, сморщенные в гармошку яловые сапоги и выдавшую Колчака, измятую в блин фуражку с алой звездочкой над козырьком.

– Почему так долго? Вон Сашка Могильников с поручными уже час как пришли. А вы где шлялись? – спросил он, помогая Андрею снимать с лошадей груз.

– У Вербы подкова отпала. Пришлось на ходу ковать, – не поднимая головы, соврал Андрей и понес выюк с продуктами на весы.

– Ба! Леха! А это что у тебя под глазом? Никак, кто титьку подсадил? – воскликнул управляющий, приветствуя подъехавшего Леху.

– Сучком по глазу хлопнуло... – хмуро ответил Алексей, грузно свалившись с лошади.

– Ну-ну... То я и смотрю, у аньжинеров тоже рожи синие. Никак, в дороге дрались? – настаивал управ и внимательно посмотрел на Андрея. – Андрюха! И у тебя не ухо, а пельмень! Тебе тоже сучком досталось?

– Нет. Меня слепец, зараза, хватанул. Жало, как у осы! До сих пор мозги кипят, – сказал Андрей и, переводя разговор на другую тему, поспешно спросил: – Продукты будешь принимать по описи или поверишь на слово?

– Конечно, по описи. Порядок есть порядок. Сейчас Михалыча кликну, и будем груз взвешивать, – сказал управляющий и закричал громким, пугающим эхо голосом: – Михалыч! Ходи сюда! Товар из Чибижека прибыл!

На его клич из землянки выглянул низкорослый бородатый мужик – приисковый завхоз, посмотрел на обоз оценивающим взглядом и тут же поспешил к складу.

Разгружать продукты вызвалось сразу несколько старателей. Золотари знали, что помимо продуктов привозит караван, они проворно сняли с лошадей тяжелый груз и, весело подталкивая друг друга явно нелитературными репликами, перетаскивали увесистые поняги к весам.

Михалыч неторопливо, выдерживая марку, тщательно взвешивал и записывал в накладную вес и количество привезенных продуктов. В ожидании своей минуты старатели терпеливо топтались неподалеку, пока наконец-то Михалыч не соизволил произнести радостную для людей тайги фразу:

– Спирт привез?

– Да, – сухо ответил Андрей и, улыбнувшись заволновавшимся старателям, добавил: – Двадцать литров.

Старатели наперебой заговорили:

– Михалыч! Кузьмич! Выдели горло помочить! Уж две недели всухаря сидим! У Гришки Сохатого вчера был день ангела! Отметить надо!

– У вас каждый день у кого-нибудь что-нибудь да случается. Вам хоть каждый час наливай по стакану – и будет праздник! – с напускной строгостью противился управляющий. Однако его капризы длились недолго: по лицу было видно, что он и сам не прочь поправить здоровье. Потоптавшись на месте около минуты, он расцвел в довольной улыбке и коротко взмахнул рукой:

– На всех пять литров!

Истосковавшиеся по людям, уставшие от тяжелой работы мужики закричали, засвистели на всю тайгу:

– Братцы! Кончай работу! Бросай золото! Айда в барак – пить будем! Гулять будем! Эх, Андрюха! Леха, золотые вы наши! Молодцы! Ай да парни – праздник привезли!

Андрей и Леха сразу же стали желанными гостями, лесными братьями и «мужиками одной золотой крови». Их обнимали, пожимали руки и зазывали на ночлег в любой из двух больших барачков.

Кто-то снимал с лошадей седла, кто-то накрывал мокрые спины уставших животных теплыми потниками, загонял их в небольшой пригон с летней, тесовой конюшней. Трое старателей тащили огромные охапки свежескошенной травы. Еще двое разводили едкие дымокуры, которые, обволакивая дымом лошадей, разгоняли мошкарку и комаров.

– Андрей, подойди ко мне, – остановил парня управляющий после некоторого раздумья. – Карабин казенный?

– Да. Дядька Федор дал. Завтра хочу на беловскую мочажину заглянуть. Может, зверя добуду, к покосу не помешает, – ответил Андрей.

– Вот что я скажу. Поставь его на ночь в склад. Не дай бог, кто по пьянке стрелять возьмется! Пьяный старатель – дурак! Ничего не понимают. Затеют драку – и до смертоубийства. Мне потом отвечать. Утром пойдешь – заберешь. Если меня не будет, знаешь, где ключ висит. Впрочем, Тимоха все равно будет склад охранять, – проговорил Кузьмич и прикрикнул на сидевшего у склада на кедровой чурке часового: – Тимоха, сучий кот! Выпьешь стопку – под суд отдам!

Тимоха вальяжно встал и блаженно развел руками:

– Обижаешь, начальник. Как можно! Я же знаю, что там не только продукты лежат...

– Вот-вот, и я про то же! Заснешь – по роже получишь! И пристегни к винтовке штык! И делай так, как положено! Не сиди на чурке! И не кури во время несения караульной службы! Понял?

– Понял, начальник, – угрюмо ответил Тимофей и, взяв за ремень трехлинейку, повесил ее на плечо.

Управляющий убрал карабин Андрея в склад и закрыл бревенчатое помещение на большой амбарный замок.

– Ты смотри, Андрей, с золотарями сильно не пей. А то они напьются – обязательно морду кому-нибудь начистят. Особенно Сохатый – ох и дурак! А может быть, к нам в землянку ночевать пойдешь? – пригласил Кузьмич.

– Я знаю, что сегодня старатели загуляют. А переночевать – так мы с Лехой под елкой. И к лошадям поближе, да и воздух посвежее. Не привыкать!

А в крайнем бараке пчелиным роем гудел собравшийся люд. Торопливо подготавливаясь к непредвиденному празднику, золотари обставляли длинный тесовый стол немудреными яствами, большей частью которых были таежные закуски. Неизменным, повседневным салатом, щедро наложенным в огромную берестяную чашу, в центре стола гордо стояла соленая черемша. На кедровых дощечках, в избытке пойманный в Балахтисоне, лежал копченый, вяленый и соленый хариус. В железных чашках – огромные куски черной медвежатины и нарезанная тонкими ломтиками закопченная на талине красноватая маралятина. Двое старателей в брезентовых рукавицах сняли с костра ведерный жбан пыхавшей перловки. Кашу поставили на каменную печь в бараке и с присущей таежному человеку щедростью бросили в нее солидный, килограммовый кусок топленого коровьего масла.

От предлагаемых угощений Леха едва не подавился слюной. Проголодавшись за день тяжелого перехода, он схватил деревянную ложку и хотел наброситься на еду. Однако, посмотрев на терпеливо ожидавших торжественной минуты мужиков, несколько остепенился и, усевшись на лавку, немигающими, горящими глазами стал смотреть на тающее в перловке масло.

Наконец по железным кружкам забулькал спирт. Подчеркивая незыблемое правило старателя, наливали по половине кружки. Первую дозу полагалось выпить до дна, а уж потом – у кого на сколько хватит здоровья и сил. Силен старательский дух! Натруженное, закаленное тяжелой работой тело приучено к масштабному: если копать, то копать до тех пор, пока из уставших рук не выпадет лопата. Если тащить на себе землю, то тащить столько, чтобы трещала спина. Если идти по тайге, идти от рассвета до заката, а будет светить луна – идти при луне до полного изнеможения. И последнее. Пить спирт в таких дозах, при которых на минуту и более захватывает дух, а в венах останавливается кровь.

Андрею и Алексею налили так же, как всем, по половине кружки. Андрей хотел отказаться, но под суровыми взглядами мужиков прикусил язык, не смея что-либо сказать поперек старательских законов.

– Что же, братья! За золотишко, что еще не взято у матушки-земли! – коротко, но доходчиво произнес тост Сохатый. В два глотка осушив кружку, он брякнул ею по столу и неторопливо потянулся за куском медвежатины.

Гришка Сохатый восседал во главе стола, как и подобает человеку соответствующего положения – бригадиру, старшему и просто неоспоримому авторитету на прииске. На первый взгляд он выглядел лет на тридцать-тридцать пять. Но сам Гришка говорил, что это только видимость, потому что ему уже давно перевалило за сорок. Он был высок ростом – более двух метров. Как говорится, дал Бог! В избах и бараках Сохатый ходил пригнувшись, стараясь не заломать буйной головушкой кедровую матицу или случайно не выбить крепким лбом подушку в двери. На улице Гришка выпрямлялся, ходил гордо, вразвалочку, с широко развернутыми плечами, явно чувствуя свою силушку. А силы у него было много! Деревянные кряжи и крепь – в пору нести двоим мужикам – он же таскал один. Шурфовой вороток крутил только один. Землицу кидал наклепанной, наращенной лопатой. Прозвище Сохатый получил заслуженно, так как в сочетании со своей силой, несмотря на возраст, был всегда строен, поджар, ловок и крепко сбит. Мужики так и говорили: «Чисто зверь!» Конечно же у Сохатого были и имя, и фамилия: с рождения мать нарекла его Василием. Однако это имя в Сибири не прижилось, неизвестно почему его стали звать Григорием. Фамилию он видел только на бумаге, когда получал расчет за намытое золото. А мужикам-старателям фамилия была совершенно не нужна, так как в тайге фамилию не спрашивают. Гришка, как тысячи других простолюдинов, озлоб-

ленным и обиженным на весь мир, был сослан во времена раскулачки откуда-то с Украины. Однако злобу свою он никогда не выказывал, затаив боль и месть глубоко внутри себя. За годы скитаний по тайге с прииска на прииск Сохатый не обзавелся собственным углом и не смог найти единственную и верную подругу жизни. Все добытое за сезон золото – расчет – Гришка пропивал за зиму. Весной вновь шел в контору наниматься на сезонную работу. Как и все люди тайги, он имел скрытный, черствый характер, но в кругу своих не упускал возможности подшутить или просто отпустить «веское» слово в чей-нибудь адрес. Поэтому всем был понятен его вопрос, обращенный к Лехе, как к человеку, прибывшему из мира цивилизации:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.